Забыть тебя невозможно

Автор:
Мария Высоцкая

Забыть тебя невозможно

Мария Высоцкая

Азарины-Токманы-Громовы #4

Он был кошмаром моего детства, а потом стал любовью всей жизни. Худший друг, сын друзей родителей, человек, подаривший тысячи счастливых моментов, с одной стороны, и безжалостный предатель, отношения с которым закончились моим разбитым сердцем, с другой. Два года назад он причинил мне так много боли, а потом исчез. Но теперь призрак из прошлого вернулся. Между нами множество недоговоренностей, ненависть и все еще не угасшая любовь.Ставки слишком высоки, ведь забыть тебя невозможно!

Мария Высоцкая

Забыть тебя невозможно

Глава 1

Тим

Два года прошло с выпуска.

Ребята собираются в том же месте, где мы и раньше частенько зависали всей компанией.

Там, где я последний раз видел Аринку… Ирония. Сколько ночей я провел в пьяном угаре после, не счесть. Хотел ее вернуть. Уверен, тогда бы получилось. Помню, какой она из моей машины вылезала, я ее из рук в руки отцу сдал, потому что сам себя боялся.

Опасался своей скотской натуры. Потому что доломаю ведь. И ее, и себя…

В горле неприятно щекочет, когда захожу внутрь. Воспоминания подкатывают, видимо.

В ресторане прохладно. Контраст с летней июльской жарой разительный. Лето в этом году знойное.

Девочка-хостес приветливо мне улыбается и даже предлагает проводить к друзьям. Благодарю за помощь, но дальше иду один.

Удивительно, как быстро летит время. Два года. Двадцать четыре месяца. Семьсот тридцать дней… А сколько минут. Кажется, много, по факту будто пара секунд… Словно глаза закрыл.

Внутри даже интерьер особо не изменился.

Прячу ладони в карманы джинсов и лениво шагаю к столику, забитому одноклассничками. Первым меня замечает Андрюха. Судя по тому, как хлопает глазами, думает, что визуальная обманка.

Привет, чувак! Нет, я не твой глюк.

Улыбка на моей роже становится шире. Пробегаюсь пальцами по коротко стриженным волосам. Первое время в военной академии было непривычно смотреть на себя в зеркало и лицезреть обритый почти под ноль скальп. Потом привык. Сейчас вот даже на автомате гораздо короче, чем в школьные годы, стригусь.

– Тим? – Король все еще не верит, что я реальный. Подрывается с кресла и, чуть тряхнув башкой, подается ко мне. – Серьезно?

– Здорово.

Руку пожать ему не успеваю. Этот черт наваливается со своими медвежьими объятиями. За два года Дюша сильно вырос в плечах и массе. Такой перекачанный дядя с модно стриженной бородой.

– Ты чего не сказал? Мы бы… Бля, не верю.

– Выдыхай, Андрюша, я реальный, – хлопаю его по плечу.

– Садись давай, потеряшка.

Получаю ответный удар в плечо, прежде чем плюхнуться на диван рядом с сестрой.

Катька моя удивлена не меньше остальных.

– Не ждали? – откидываюсь на спинку дивана и лениво брожу взглядом по их лицам.

– Ты как тут?

Получаю тычок локтем в бок от сестры.

– Сказал, что в следующем месяце приедешь! – Катя морщит нос. Злится, а сама лезет обниматься.

– Привет, – целую ее в щеку. Закидываю руку на оголенное женское плечо и притягиваю к себе, – ну иди сюда.

– Это вообще ты? – чуть отстраняется. Смотрит на меня.

Заметила мою «модную» прическу, видимо. Я за эти два года в Москве ни разу не был. Из училища на каникулах на море, а потом сразу на сборы.

– Блин, ну почему не сказал, а? Тим! Вот ты как всегда.

– Сюрприз, – пожимаю плечами, а когда поворачиваю голову, понимаю, что не только я способен их преподносить.

В горле образуется ком. Уверен, что пульс тоже участился. А ведь стоило только на нее посмотреть. Мой личный наркотик. Орбита, с которой я слетел два года назад в открытый космос. До сих пор там и плутаю от одной солнечной системы к другой.

Арина вышагивает по проходу между столиков. Красивая. Миниатюрная. Волосы распущены, щеки румяные. На ней белая майка и короткие джинсовые шорты. Почти не изменилась, единственное, что похудела. Сильно.

Сглатываю. Внутри все уже давно охватило пламя. Поработило, как в любимые и привычные мне годы.

Громова как бабочка. Порхает с лепестка на лепесток. Легкая, энергичная. Улыбается. Залипаю на этой улыбке, она меня выше неба подбрасывает. Чертовы мириады звезд снова перед глазами мелькают.

Залипаю на ее губах. Розовых, манящих, нетронутых помадой.

Она не спешит, разговаривает по телефону. Меня не видит, я сижу так, что из прохода это сделать нереально.

Красивая, но другая. Будто бы до сих пор моя, но… Нет, не моя. Больше нет.

– Даже не думай, – шипит сестра. Вечная Громовская защитница.

Арина наконец подходит к столику. Жадно ее осматриваю. Нет, пялюсь. Откровенно, будто маньяк какой-то.

Говорят, время лечит и позволяет забыть. Черта с два! Не работает. Не сработало! С кем угодно, но только не со мной. Что тупым подростком в пубертате на нее слюни пускал, что сейчас.

– Всем привет, простите, что опо… – Арина задорно пробегает взглядом по присутствующим, но, когда доходит до меня, глотает окончание. – Привет, – растерянно кивает.

Не ожидала, конечно. Я сам ее сегодня не рассчитывал увидеть. Катька говорила, что они редко видятся. Аринка постоянно занята у своего отца в клинике.

Смотрю на нее пристально. Нагло. Короче, веду себя как полное хамло, знаю.

Мне показалось или у нее губы дрогнули?

У меня вот все внутренности подпрыгнули. Сразу воспоминания нахлынули.

Я так много раз думал о том, чтобы вернуться, но в последний момент постоянно жал на тормоз. Если бы не отец, не думаю, что сегодня я вообще был бы в городе. Новая жизнь меня вполне устраивала. Удобная. По уставу. Это один из немногих плюсов военной академии. Сам ты думаешь исключительно в моменты обучения. Вот когда на паре сидишь, мозг включаешь, в остальном же за тебя думают другие.

И если честно, два года назад мне это было необходимо. Отключиться.

Первые месяцы думал, сдохну там. От нагрузок, вечного недосыпа, дедовщины, ну и, конечно, от того, как скучаю по ней. Каждый раз ее заплаканное лицо перед глазами мелькало. Я с этой картинкой засыпал и просыпался. Потом отпустило. Немного. Я сам выбор сделал, так было правильно.

Не получалось у нас. Ничегошеньки не получалось.

Замечаю, что нервно постукиваю пальцами по столу. Ловлю сам себя и отдергиваю руку.

– Я не знала, – шепчет моя Катя, но я слышу. – Он вообще только через две недели должен был вернуться.

Это она все Арише рассказывает. Та натянуто улыбается, отмахивается. Мол, все хорошо.

Тогда почему ни разу на меня больше не посмотрела? Ей неуютно? Страшно? А может быть, это отвращение?

Черт! Меня снова штормит. Сильно. Надо выпить. Подзываю официанта и беру сто, нет, двести граммов виски.

Опрокидываю бокал, чувствуя, как по организму разливается тепло, и закидываю в рот дольку лимона. Но, несмотря на кислый вкус, все равно улыбаться тянет. Просто потому, что увидел ее вживую. Не думал, что это произойдет так скоро. Как пыльным мешком по голове огрели. На фотках она выглядит иначе…

– Не забивай голову, Катюш, – это снова Арина, – Все нормально. Все в прошлом у нас.

Да чтоб их! Еще погромче шептаться не могут?

Удар под дых от этих слов. Хотя на что я надеялся? На радушный прием? Вряд ли. Может быть, на отсутствие безразличия? Вот это уже ближе. Но тупо, конечно.

За столом завязываются разговоры. В основном все внимание в этот вечер принадлежит мне. И вовсе не я этот выбор сделал. Ребята сами как-то активизировались. Про академию расспрашивали, про себя рассказывали. Король вон через месяц на Аньке женится. На словах о свадьбе моя Катя резко поднимается из-за стола и уходит. Ну да, Даник, с которым они все это время встречались, еще в начале весны женился…

Вечер плавно перетекает в ночь, а наши тела – в клуб. К моему удивлению, Громова тоже едет. Правда, не танцует. Минут двадцать уже наблюдает за тем, как это делает Катька, там внизу, на танцполе. Тянет третий по счету коктейль.

Таращусь на нее с самого приезда сюда. Ко мне она, естественно, не подходит, даже не разговаривает. На мои вопросы отвечает, потому что вежливая. А дальше бетонная стена.

Это, наверное, тупо, вот так вот. И права я на все это не имею, только вот моему чуть пьяному сознанию уже плевать.

Отрываюсь от дивана и иду к ней.

На пару секунд застываю за ее спиной. Узкая талия, бедра. А еще мне весь вечер не дает покоя тот факт, что она без лифчика. В белой, вашу мать, майке и без лифчика.

– Скучаешь?

Да, самый тупой подкат. Я в курсе. А судя по тому, как она поджимает губы, думает о том же.

– Ногу натерла вчера. Некомфортно.

Тонкие бретельки майки чуть подтягиваются вверх. Арина вздыхает. Этот короткий рывок, чтобы поглотить воздух, компрометирует. Потому что ее грудь вздымается, а напряженные соски впиваются в белый материал.

Стиснув челюсти, строю рожу кирпичом и отворачиваюсь.

– Ясно, – бросаю скучающе, устремляя взгляд в толпу танцующих.

Между нами повисает молчание.

– Ты давно вернулся?

– Вчера, – поворачиваюсь к ней с явным недоверием в глазах. Потому что до конца не уверен, что она действительно у меня что-то спросила. – Случайно про встречу узнал. Татка к нам заезжала, сказала, что Катюха полдня в спа проторчала. К вечеру готовилась.

– Понятно. Ты изменился.

Она улыбается. Едва заметно, но мне и видеть не нужно, я чувствую. Мгновенно копирую ее эмоции, потому что они обоюдные, снова к ней подключаюсь.

– Ты тоже, – жадно брожу взглядом по ее фигуре, чуть дольше дозволенного пялюсь на грудь.

Арина закатывает глаза, но уверен, что покраснела.

– Я…

Договорить она не успевает. Внизу завязывается потасовка. Какой-то мудила пристает к моей Катьке. Быстро сбегаю туда. Хочу ее увести. Бычить и ввязываться в драку в мои планы не входит. Но кто вообще ими интересовался-то, планами моими?

Стоит подумать о том, что разойдемся мирно, как сразу получаю по морде от этого дауна. Стиснув зубы, выступаю вперед. Выхватываю боковым зрением движущегося к нам Королева.

Заношу кулак. Удар. Кто-то толкает в бок. Не успеваю выставить защиту и снова получаю по роже.

Звездочки перед глазами пляшут ламбаду. Смаргиваю. А толку?

Лицо опять ноет. Вот он, второй день в Москве. Встретила, родная, как и всегда, многообещающе, ничего не меняется.

Андрюха подключается мгновенно, а еще через минуту нас растаскивает охрана. Быстро утягиваю Катьку наверх. Размазываю выступившую кровь по губам и усаживая рыдающую сестру на диван. Анька тут же начинает ее успокаивать.

Морщусь. Щеку саднит. На губах вкус собственной крови. Приехал домой, блин.

Беру курс на уборную.

Упираюсь ладонями в раковину, когда за спиной хлопает дверь.

Цепляю взглядом свое отражение в зеркале, но быстро перевожу его на Громову. Она стоит слева от меня. В руках пачка салфеток.

– Нужно промыть и обработать. Они с антисептиком, – трясет салфетками.

Резко крутанувшись на пятках, оказываюсь с ней лицом к лицу. Арина вздрагивает, но не отходит.

Явно нервничает, потому что упаковку вскрывает не с первого раза.

– Голову опусти. Мне неудобно так…

Вместо этого просто сажаю ее на тумбу, в которую вмонтирована раковина.

– Можно и так, – вздыхает. – Твое лицо просто магнит для неприятностей.

Арина вытаскивает салфеточку, аккуратно прижимая ее к моей губе. У нее пальцы холодные. От самой веет жаром, а пальчики ледяные.

Не шевелюсь, словно боюсь вспугнуть. Хотя так, наверное, и есть.

Она тоже замирает. В глазах что-то странное. Дымка какая-то.

Секунда. Хватает секунды, прежде чем я успеваю ощутить ее губы. Она меня целует. Сама! Потом, правда, вздрагивает и отстраняется. Но мне хватает. Минуту назад в глазах искрило от оплеухи, теперь от Громовой.

– Ты пьяная?

Сам пил. Но отчетливо чувствую вкус алкоголя на ее губах.

– Я…ничего не подумай, это…

Слух вырубается. Наблюдаю за ее шевелящимися губами.

Майка ее эта. Весь вечер я хотел только одного – избавиться от этой белой тряпки. Вытягиваю руку, касаясь ладонью Аринкиной шеи. Она сразу замолкает. Не то, чтобы у меня звук включился, просто вибраций не чувствую.

Медленно притягиваю к себе. Провожу языком по пухлой нижней губе. Медленно исследую границы дозволенного. Она разрешает себя целовать, и я этим пользуюсь. Как полный урод пользуюсь.

Аринкин протяжный стон, как красная тряпка сейчас. Задираю на ней майку, оголяя грудь. Желание, преследующее весь вечер.

Соски. Острые. Розовые, манящие. Блядь, член уже полыхает, как ее хочу. Жадничаю. Лапаю Аринкины идеальные сиськи.

Снова на те же грабли: то в машине, теперь в туалете клуба. Черт!

Вдох-выдох, Азарин.

Громова продолжает ко мне прижиматься. Закрываю глаза. Чувствую ее. По миллиметру исследую. Плечи, грудь, живот. Пальцы аккуратно продвигаются ниже. Расстегиваю крупную пуговицу на ее коротеньких шортах, молнию.

Трогаю ее между ног, собирая склизкую влагу подушечками пальцев.

– Тим, – впивается ногтями мне в плечи. Стонет. Бормочет что-то, фиг разберешь.

Она мокрая. Для меня. Понимание этого как удар молнии. А в доказательство, ее запрокинутая голова. Открытая для поцелуев шея. Хочу ее сожрать, прямо здесь. Стоп-кран срывает.

– Аринка, – набрасываюсь на нее как обезумевший. Два года засыпал и просыпался с мыслями о ней. Хотел вытравить, но ни черта не получилось. – Ариша, – целую. Хаотично. С надрывом. Щеки, шея, губы. Она не сопротивляется. Чувствую, что отвечает. Пластилиновая в моих руках становится. – Люблю…

Она замирает. Вскидывает взгляд. Он мутный. Глаза влажные. Только сейчас чувствую, с какой силой ее ладони упираются мне в грудь.

– Не надо, Тим, не надо, – отталкивает. – Это не любовь. Все это не любовь, – шепчет, а потом добивает контрольным в голову: – У меня есть парень. У нас с ним все серьезно… Не трогай меня.

Соскальзывает с тумбы и резко отворачивается. Мозг взрывается. Аринка открывает кран. Шум воды как еще одна заслонка для разума. Мешает думать.

– Парень? Это шутка? Ты пять секунд назад была готова на все. Со мной. В туалете клуба, блин.

– Это просто физиология. И вообще, ты сам… Принудил.

– Я? Твой поцелуй…

– Он ничего не значил. Это выброс адреналина, там, после драки.

Я фигею от этого театра абсурда. Принудил? Она, блин, серьезно?

– Мне надо идти. Не ищи меня только. Нам не нужно встречаться. Никогда больше не нужно видеться…

Громова выходит за дверь. Я даже сообразить не успеваю, как остаюсь один. Пялюсь на свое отражение в зеркале.

Парень? Принудил?

Да, я точно домой вернулся.

Есть бесплатная предыстория: «Мой худший друг». Читать можно отдельно!

Глава 2

Ариша

На улицу меня выносит волной стыда и растерянности. Нужно срочно поймать такси, но я почему-то перебегаю дорогу. Оказавшись на другой стороне улицы, присматриваюсь к выходу из клуба. Удостоверившись, что Тим за мной не сорвался, замедляюсь.

Что это было? Мамочки! Обхватываю горящие щеки ладонями.

Это же не я. Нет. Абсурд какой-то. Весь вечер просидела как на иголках, именно поэтому и пила эти коктейли один за другим. Я не ожидала его увидеть. Не хотела его видеть, но, вопреки этому, сердце предательски екнуло.

Было достаточно одного взгляда.

Его два года не было. Я все забыла. Не думала. Не вспоминала.

Забыла же, да?

Снова ускоряюсь. Хочу уйти отсюда как можно дальше. Зачем он вернулся?

Два года! Первые шесть месяцев из которых я не жила, а просто существовала. Дом – университет. Привидение без каких-либо интересов.

Катька, конечно, не единожды пыталась вытащить меня из этой рутины. Клубы, рестораны, прогулки, но каждый такой поход заканчивался слезами в подушку. Было горько осознавать, что ничего уже не изменить. Что он уехал, отпустил. Забыл. А я не смогла. Сама постоянно этим апеллировала, а что в итоге?!

Жизнь словно остановилась. Все вокруг куда-то спешили, и только я оставалась стоять на месте. На самой обочине. На краю.

Потом стало немножечко легче. Пришла весна, жизнь заиграла новыми красками, а душа требовала нагнать упущенное. Мозг отказывался мыслить рационально. У меня не было бунта в подростковом возрасте, а вот в девятнадцать…

Я смогла продолжить жить дальше. Перешагнула. Успокоилась. Впервые в жизни поругалась с родителями и съехала от них на съемную квартиру, которую мы сняли напополам с двумя однокурсницами.

Мне так хотелось причинить кому-нибудь боль, отыграться за собственные чувства. Отыграться на совершенно непричастных людях. Вот так инфантильно. К счастью, это тоже был всего лишь период. Буквально пара месяцев.

Родители как могли поддерживали. Не нагнетали и в душу не лезли. Мама постоянно твердила, да и сейчас твердит, что ничего не случается просто так…

Это уж точно. Все, что сегодня произошло в клубе, идеально вписывается в эту теорию.

В груди пожар.

Зачем он вернулся? Чтобы снова превратить мою жизнь в ад? Нет уж! На этот раз я ему не позволю.

Наивная, уже позволила. В ту секунду, когда поддалась собственному интересу. Это был порыв. За секунду это решение приняла.

Хотела узнать, с ним будет так же? Где-то внутри теплилась надежда, что нет.

Как оказалось, Тим сломал меня тогда гораздо сильнее, чем я предполагала. Не только морально, но и физически. Это стало открытием буквально восемь месяцев назад.

И сегодня я с чего-то решила, что, если он сломал, возможно… Просто на миг представила, что, возможно, он и починит. Дура.

Какая же все-таки дура.

Поддалась порыву, собственным чувствам, воспоминаниям, надеждам…

А потом, потом это его «люблю». Гадкое, ужасное слово, которое я травила в себе месяц за месяцем, день за днем.

Просто набор букв, не несущий

с собой абсолютно ничего.

Сказал «люблю». Легко. Вот так, после всего… Зачем?

Опускаюсь на лавочку возле какой-то уже давно закрытой кофейни. Внутри все огнем горит. Мокрые насквозь трусы – прекрасное подтверждение тому, что все это мне не приснилось. Тим и правда трогал меня…

Я целовала его, жадно, будто в первый и последний раз. Сама на это пошла.

Закрываю лицо ладонями, упираясь локтями в колени. Все еще немного потряхивает. Такой коктейль из эмоций, что дурно становится. Кажется, даже подташнивает немного.

Телефон, запрятанный в сумку, звонит в самый неподходящий момент. Не могу я сейчас ни с кем разговаривать, не могу и не хочу. Но, вопреки своим желаниям, расстегиваю молнию.

На экране смартфона красуется Пашина фотка.

Дрожащими пальцами принимаю вызов.

– Арин, ты еще долго? Когда тебя забрать? – спрашивает ничего не подозревающий Пашка.

– Я все уже. Приезжай, сейчас из клуба выйду.

– Из клуба?

– Мы с ребятами переместились немного.

– Почему не написала?

– Да как-то спонтанно вышло, – вздыхаю. – Сейчас адрес скину.

Пока я отправляю ему адрес, он меня отчитывает. Слушаю вполуха, не до того сейчас, если честно.

– Извини, что не предупредила, – извиняюсь. Слышу его шумный выдох.

– Хорошо, я тут недалеко. Минут через пятнадцать буду.

Киваю и сбрасываю звонок.

Я пошла на вечер встречи одна. Пашка поехал к друзьям. В клуб я ехать не планировала, хотя знала, что ребята собираются. А потом, потом увидела Азарина…

Обессиленно поднимаюсь на ноги и волочусь обратно.

Подхожу к клубу буквально минут за семь до Пашкиного приезда. Нервно тереблю ремешок сумки и кусаю губы.

Воронин вылезает из машины и размашистым шагом идет ко мне. По пути снимает пиджак, который оказывается на моих плечах, как только Пашка приближается.

– Спасибо, – улыбаюсь.

– Как погуляли? – интересуется сквозь зубы.

– Нормально, – пожимаю плечами, – Катька, как всегда, вляпалась… Драку из-за нее устроили ребята.

– Твоя Катя головой вообще никогда не думает. До сих пор не понимаю, как ты можешь с ней дружить. У вас совершенно нет ничего общего.

Пашка задвигает эту тираду, пока ведет меня к машине и открывает дверь.

Юркнув в салон, накидываю ремень и вытягиваю ноги. Адские босоножки.

– Катя хорошая, – начинаю защищать Токман, как только Воронин садится за руль. – Отличный человек и замечательный друг.

– Я бы с тобой поспорил.

Паша бросает взгляд на мою грудь. Прищуривается.

– Это что?

Непонимающе смотрю ему в глаза.

– Ты без белья?

– Не начинай, пожалуйста, – устало прикрываю глаза.

– То есть ты идешь в клуб, ничего мне об этом не говоришь, еще и в таком виде.

– В каком? – начинаю злиться. – Майка плотная, и у меня не четвертый размер, да даже не второй, блин. На улице вторую неделю жарит. Мы с мамой были в парке, перед тем как я в ресторан поехала, домой уже не успевала, чтобы переодеться.

– Ничего бы не случилось. Опоздала бы немного.

– Если учесть, где я живу, на полтора часа минимум. Давай закроем эту тему.

До боли сжимаю в кулаке кольцо, которое сняла с пальца. Что я творю вообще?

Мой хороший, правильный Паша из профессорской семьи, долбаные академики в шестом поколении. У них дача на Новой Риге и званые обеды каждое воскресенье.

На одной чаше весов – полгода отношений с ним, на другой – несколько часов, проведенных в обществе Азарина. Несколько сотен минут, за которые я, очень хочется верить, поддалась порыву, но это не так. Я сделала все это намеренно, прекрасно осознавая, на что иду.

Очередная насмешка судьбы. Так долго орала, что меня предали, а теперь сотворила то же самое глазом не моргнув. Браво, Арина!

Как я теперь буду в глаза Паше смотреть? Предательница. Мелкая, лживая, лицемерная предательница. Потому что даже сейчас в моей голове нет и намека на то, чтобы рассказать ему правду. Покаяться. Я продолжаю пялиться в окно и молчать. Строить из себя обиженку из-за того, что он отчитал меня за голые сиськи под майкой и поход в клуб без разрешения.

Веду себя так, словно не стонала в туалете, пока Тим засовывал пальцы мне в трусы.

Два года назад Азарин оказался честнее и явно смелее меня.

– Паш, прости, – поворачиваю голову, прилипая виском к подголовнику. – Я просто…

– Мне неприятно, Арина. Ты обещала одно, а по факту…

– Знаю. Знаю. Прости, ладно?

Воронин сжимает мою ладонь и подносит к своим губам. Трепетный жест, но я ничего не чувствую. Бабочки в животе подохли в лето выпускного.

– Тебя к родителям?

– Да.

Дальше едем молча. В салоне негромко играет классическая музыка. Кажется, это Верди.

Паша целомудренно целует меня в губы, прежде чем я выхожу из машины. С момента, как я рассказала ему о своей проблеме, слово целомудрие стало его кредо. И, честно говоря, это не нормально.

– Пока, – улыбаюсь и выскальзываю на улицу.

Когда захожу во двор, еще минут десять сижу на ступеньке у двери.

Это ужасно, потому что стоит только прикрыть глаза, и я будто наяву слышу его голос.

Это вычурное «люблю» теперь меня преследует. А еще прикосновения и те эмоции, что я успела испытать, пока ерзала на долбаной раковине, изо всех сил цепляясь за Азаринские плечи. Такое чувство, что я до сих пор возбуждена.

В сумке снова пиликает телефон. Сто процентов Паша желает спокойной ночи.

Снимаю с блокировки, чтобы ответить, и застываю. Не Паша это.

Тим. Он отправил мне сообщение со своего старого номера. Еще один привет из прошлого. Я эти цифры наизусть знаю, и все два года, когда набирала их, мне говорили одно и то же – номер заблокирован.

Облизываю губы и открываю послание.

Тим: Ты потеряла.

А после фотка моей цепочки, лежащей на столе. Инстинктивно касаюсь шеи. Точно, ее нет. Тут же печатаю ответ.

Ариша: Можешь выкинуть.

Он минут пять молчит, а потом присылает еще одно фото. Мои щеки мгновенно вспыхивают, а фотка пропадает.

Тим: Сорри, это не тебе.

Сглатываю и блокирую телефон. Он скинул мне дикпик. Потом удалил и написал… Телефон снова пиликает.

Тим: Сладких снов, Громова.

Глава 3

Тим

– Тим?! Ты чего тут делаешь?

Бросаю тряпку в ведро, поворачиваясь на мамин голос.

– Кофе пролил. – Вытираю мокрые руки о спортивки. – Ты знала, что Вера под кроватью не моет?

Пока чешу затылок, разглядываю, как быстро меняются эмоции на мамином лице.

– Ты помыл полы? Руками?

Она, видимо, все еще в шоке, судя по тому, что так и стоит в дверях, переминаясь с ноги на ногу. Я внес в ее распланированное утро разнообразие.

Честно говоря, уже на рефлексах получилось. Пошел за ведром и тряпкой, чтобы вытереть разлитый кофе, очнулся, когда домывал паркет у двери. Первый год в училище за мой длинный язык я был первым в списке на внутренние наряды. Как наказание, естественно.

– Ма-а-а-м?

– А, – вздрагивает, – да. Я просто… Неожиданно. Скажу Вере, чтобы тщательней убиралась. Завтракать будешь?

– А ты не опаздываешь?

Мама по утрам редко завтракает дома, в принципе, как и отец. Это не зависит от дня недели.

– Я сегодня решила устроить выходной. Вчера толком пообщаться не удалось, ты почти сразу убежал. Так давно тебя не видела. Ты же не собираешься туда возвращаться, правда?

Передергиваю плечами. Я еще не решил, если честно.

– Думаю. – Поднимаю ведро, направляясь в ванную.

Мама идет следом. Наблюдает за тем, как я выливаю воду в унитаз, а потом выжимаю тряпку над раковиной.

– Я думала, ты до обеда спать будешь. Поздно вчера приехал. Тебя просто не узнать.

Прям чувствую, что у нее слезы вот-вот накатят.

А проснулся я рано независимо от того, что лег часа в четыре. Привычка.

– Ты завтрак предлагала.

– Да-да. Идем скорее. Я так рада, что ты приехал. Очень соскучилась, – мама все же срывается. Всхлипывает и повисает на моей шее.

– Не плачь.

– Ох, ну чуть-чуть-то можно? – смеется и, отстранившись, вытирает собравшиеся во внутренних уголках глаз слезинки. – Как вчера с ребятами встретился?

– Нормально.

Сажусь за барную стойку, пока мама колдует над пирогом. Несмотря на статус, пироги она печет лучше нашего повара.

– Арину видел? – спрашивает и сразу защищается: – Не смотри на меня так. Я за тебя волнуюсь.

Честно говоря, тему Громовой мне бы поднимать не хотелось, но мама не отстанет. Поэтому лучше дать ей минимальный объем информации, чтобы не насиловала мой мозг.

– Видел. Сказала, у нее парень есть.

Забрасываю удочку. Мать тесно общается с Ульяной, так что точно в курсе, чего у них там происходит.

– Да, кажется, Ульяна говорила про какого-то мальчика… То ли Саша, то ли Паша. Постарше Арины, интернатуру проходит. А, мама у него еще главврач в онкоцентре.

– Ты просто находка для шпиона.

Вместо ответа мама довольно хмыкает.

Саша-Паша, значит. Занимательно. Не соврала, получается? Все становится куда интересней.

– Слушай, я тут в гараже тачку новую видел. Ключи возьму?

– Бери, но без…

– Все будет в порядке.

***

Через час я уже еду к Громовой.

Сжимаю Аринкину порванную цепочку в кулак, нервно постукиваю им по рулю.

Значит, парень реальный… Забавно получается. Вчера она стонала, пока я лапал ее сиськи, а сегодня как ни в чем не бывало может сосаться со своим рогатым. Не нравится мне такая перспектива, потому что оленем все равно оказываюсь я.

Удивительно лишь то, что особо даже не злюсь. Меня эта ситуация больше забавляет, чем напрягает.

Саша-Паша подвинется, и это факт. Но вот что делать с Громовой?

Она вчера так быстро свинтила, я толком ничего не сообразил даже. Как ветром, блин, сдуло. Хорошо, что вовремя хватило ума дернуть у нее эту цепочку, которую теперь, конечно же, нужно вернуть.

Сам, честно говоря, с себя ржу.

Мог бы тусить у Гирша в гареме телок, на любой вкус и цвет. За последние два года не так часто выпадал шанс, между прочим.

Но нет! Громову мне нужно увидеть. Срочно. Вот прямо сейчас.

Именно поэтому я с раннего утра волочусь к ее дому, а вчера после клуба сразу поехал спать. Как только эта гадина сбежала, данное заведение мне стало неинтересно.

Вечер закончился тем, что я тупо подрочил в душе на еще свежие воспоминания. Ровно как в пятнадцать лет, блин.

Останавливаю тачку у Громовского забора и выхожу на улицу. Время одиннадцать, а солнце уже жарит. Стягиваю футболку, потому что без климата прямо беда.

Прилипаю задницей к ярко-синему капоту и звоню Арише.

– Я у твоего дома, на улицу выйди.

– Тим, я не могу.

– Выходи, иначе сам зайду.

В трубке слышится какая-то возня. Она кому-то говорит, что сейчас вернется, а потом соединение прерывается.

Пару раз сжимаю-разжимаю кулак, в котором прячется Аринкина цепочка, лениво пролистывая ленту.

– У тебя новая машина?

Отрываю взгляд от экрана телефона. Арина стоит за забором. Руки на груди сложены.

Провожу ладонью по горячему глянцевому металлу. Щурюсь. Очки забыл дома.

– Что-то вроде того. – Отталкиваюсь от капота и выпрямляюсь. – Может, выйдешь? – Тяну калитку на себя. – Или боишься?

– Вообще, не очень хочется. Но ты же не отстанешь, правда?

– Именно.

Она делает шаг, а мой взгляд мгновенно обшаривает ее тело. По-моему, это преступление – выползти ко мне в таком виде после всего, что вчера произошло. Сразу как-то хочется закончить начатое.

– Что? – хмурит брови.

– Ничего. – Прячу руки в карманы джинсов, а взгляд все еще блуждает где-то в районе ее ног.

На Аринке короткая тенниска и майка. На ногах, правда, калоши в яркий цветочек.

Видимо, когда я добираюсь взглядом до ее ступней, выражение моего лица меняется. Неожиданный контраст.

– Что? – цокает языком. – Мы с мамой клубнику полем, вообще-то. И чтобы твои фантазии поулеглись, это шорты, – упирает руки в боки. – Что ты хотел?

– Отдать, – протягиваю ладонь, на которой лежит ее цепочка.

– Я же написала, что можешь выкинуть.

– Два года носила, а теперь решила выкинуть?

Незамысловатый подарок на ее восемнадцать лет. Цепочка и подвеска в виде буквы «А». С фантазией у меня, конечно, была напряженка. Не думал, что она ее вообще сохранит. На самом деле я эту побрякушку сначала даже не узнал. Цепочка и цепочка.

– Ничего я не носила, – хохлится. – Просто она подходит к шортам и…

– Можешь не оправдываться, – делаю шаг к ней. Ветер раздувает Аринкины волосы, и в нос ударяет запах духов. Все таких же капризных, как она сама.

– Это все? Меня мама ждет, – косится за свою спину.

Понимаю, что хочет сбежать, поэтому выбрасываю руку, крепко фиксируя тонкое женское запястье.

Просто до нее дотрагиваться как новый уровень кайфа.

– Мне больно.

– Врешь.

Но захват ослабляю, конечно.

Смотрю на ее губы. Думаю, сейчас мой взгляд говорит больше любых слов. Прямо тут бы ее сожрал. И, честно говоря, наличие какого-то Лунтика в ее жизни меня не смущает и абсолютно не волнует.

Переплетаю наши пальцы.

Но лучше бы этого не делал. Потому что там меня ждет сюрприз. Удар под дых, вашу мать. Серьезно, блядь?

– Это что?

Переворачиваю ее правую руку тыльной стороной вверх. На безымянном пальце кольцо. С мелким камнем.

Аринка выдергивает руку и снова закрывается. Пока только физически. Обнимает свои плечи.

– Это же не то, о чем я думаю, верно?

Наступаю. Она пятится, пока не врезается спиной в забор.

– Не твое дело, – шипит сквозь зубы, а сама взгляд опускает.

Неужели серьезно?

– Ты дура? – Походу, это единственное, что приходит мне в голову.

Громова краснеет. Тоже злится. Упирается ладонями мне в грудь.

Тяну в себя воздух. Медленно и побольше. Иначе точно рванет. Уже заискрило от этого ее прикосновения.

– Пошел ты, придурок.

Аринка показывает мне фак. Прямо в морду тычет.

– Красивый маникюр, – перехватываю ее палец. – Уверен, что со вчерашней ночи это и мое дело тоже. А твоему Паше-Саше будет очень интересно услышать одну увлекательную историю.

Она вскидывает взгляд. У самой глаза по пять рублей. Да, это шантаж, детка. Ты угадала.

– Ты не посмеешь…

– Ари-и-и-н, ты меня знаешь. Реально думаешь, что не посмею?

Улыбаюсь. Пользуюсь ее замешательством и притягиваю к себе. Касаюсь губами шеи. Она вздрагивает, а потом замирает.

Мы стоим так минуту. Тупо друг на друга пялимся. Я вцепился в нее насмерть. Отпустить страшно. Пробирает от этой близости. Штырит еще сильнее, чем вчера.

В какой-то момент кажется, что она дотрагивается до меня кончиками пальцев. Честно говоря, разобрать, правда это или мои глюки, просто нереально.

Снова мозг затуманивает. Я ее хочу. Во всех смыслах.

– Расскажешь, что тебе снилось? – понижаю голос.

Глава 4

Ариша

Ненормальный, просто ненормальный.

Пытаюсь вырваться из этого порочного круга, потому что как еще можно назвать его объятия? Это настоящие путы похоти и порока.

– Точно не ты, – шиплю сквозь зубы, абсолютно теряя ориентацию в пространстве. Мы ведь близко-близко друг к другу стоим.

Слышу, как он дышит. Чувствую, как вздымается его грудь, потому что упираюсь в твердые мышцы ладонью.

Снова глаза в глаза. Сумасшествие какое-то.

Что мне снилось? Ты, гад такой. Ты мне снился, но никогда об этом не узнаешь. Никогда!

Тим прищуривается, будто слышит мой внутренний монолог. Душу из меня вытянуть хочет этим своим взглядом. Снова сжимает мою руку, давит пальцем на кольцо. Как клещ вцепился.

Забавно. Подарила мне его Катька, оно, между прочим, удачу приносит. Я частенько тереблю его, когда нервничаю. Вчера в Пашкиной машине сняла даже, иначе бы опять до мозоли палец стерла. А сегодня, из-за выпитых ночью коктейлей, пальцы отекли, вот и пришлось надеть на безымянный.

Но Азарину это знать необязательно. Ему вообще обо мне больше ничего знать не нужно.

Если нравится думать, что я выхожу замуж. Пожалуйста! Спросил бы по-нормальному, ответила бы. А так… Пусть подохнет от своего яда, как скорпион, который свое же жало себе в спину засадил.

– Пусти.

– Не хочу, – перекатывается с пяток на мыски и обратно. – Меня все устраивает. Жаль, что это шорты, – переходит на шепот, – а то уже фантазия разыгралась. Пара секунд и…

Его ладонь прилипает к моей ноге в том месте, где заканчивается юбка, которая никакие не шорты, и ползет выше.

– Ты соврала? – обхватывает бедро. – Маленькая лгунья.

– Я тебя сейчас ударю, – впиваюсь ногтями ему в руку. Ту самую, которая хозяйничает у меня под юбкой.

– Вообще, это ответочка. Ты меня успела полапать, а я тебя не до конца.

– Серьезно? – выгибаю бровь.

Мы оба смотрим на мою грудь. И думаем, наверное, об одном и том же.

– Было мало, – пожимает плечами, но руку убирает. Можно даже выдохнуть на пару секунд.

Опускаю взгляд. Нужно было закрыть глаза, ведь теперь я смотрю на его живот. Подтянутый, с четким рельефом. Если скользнуть взглядом еще ниже… Ох, лучше не смотреть. Потому что там и так все ясно, судя по тому, как оттопырилась ткань штанов.

Сто процентов краснею. А ведь будущий врач. Что в этом такого? Обычная физиология. Но лицо горит.

– Ты эксбиционист, что ли? – нервно тру щеку. – Сначала фотки, теперь без футболки тут расхаживаешь…

– Тебя это смущает?

Тим ухмыляется. Мне кажется, в секунду даже как-то шире в плечах становится. Он и так за эти два года изменился. Нарастил мышцы, постригся вон… Одно только неизменным осталась – его врожденная наглость.

– Поехали со мной.

– Куда? – спрашиваю, вместо того чтобы сразу же сказать нет. Категоричное нет!

– Поехали. Полчаса, и я верну тебя обратно.

– Я…

– Покатаемся немного.

– Ты приехал, чтобы вернуть мне цепочку. Ты ее вернул. Пока.

Пытаюсь высвободиться. Какая это по счету попытка?

Азарин упирается руками в забор по обе от меня стороны. Мы пару секунд пялимся друг на друга. Я даже не дышу. А потом происходит то, чего вот никак не ожидаю.

Он просто закидывает меня к себе на плечо. Юбка, конечно же, задирается. Какова вероятность, что мои трусы увидела вся улица? На каждом столбе же камеры.

– Поставь, – дергаюсь и луплю его по спине. – Ты с ума сошел. Мама!

– Ты прямо как в детстве, чуть что, сразу маме жалуешься.

– Тим, это не смешно. Поставь! Пожалуйста, поставь! – ору так громко, как только могу.

– Я ща оглохну! – рявкает в ответ и приземляет меня на капот своей машины.

Нагретый солнцем металл обжигает задницу, потому что юбка болтается где-то на пояснице.

Я сижу с разведенными в сторону ногами, чуть согнутыми в коленях.

Тим уже успел пристроиться между.

Упирается ладонями в капот. Между нами снова слишком маленькое расстояние.

Опять губы к губам. Облизываюсь не потому, что хочу его соблазнить, само собой как-то выходит.

– Расскажи ему, – переходит на злобный шепот. – Или это сделаю я.

– Не лезь. Не смей лезть в мою жизнь!

Воплю, упираясь в его плечи, но Тим не реагирует. Стоит скалой. Гадская каменная глыба. Хочется разрыдаться от бессилия. Я отвыкла от такого общения.

Пашка разве что на словах пожурить может. Никогда не дуется больше получаса, всегда мирится первым, а еще ни разочка не вытворял вот таких фокусов.

Что за пещерные замашки вообще?!

– Ты, кажется, что-то путаешь. Не я это начал. В этот раз не я…

– Я хочу уйти. Ты не можешь удерживать меня здесь насильно.

Азарин шумно выдыхает. Распрямляется.

Отползаю чуть дальше, аккуратно соскальзывая с машины на землю.

– Чего встала? Иди, ты вроде как спешила.

Молча откидываю волосы за плечи и, высоко задрав голову, вышагиваю к дому. Трясущимися руками открываю калитку и юркаю за забор.

Шум мотора слышу минут пять спустя, когда прячусь в тенечке за углом.

– Как я понимаю, это Тимофей приезжал?

Вздрагиваю от маминого голоса, резко поворачиваю к ней голову.

– Чтобы он провалился, этот Тимофей.

– Ну-ну. Ты мне помогать собираешься?

– Да. Иду.

От души наковырявшись в клубнике, часом позже выхожу из душа.

Не знаю, насколько угрозы Азарина реальны, но мне бы не хотелось, чтобы Паша узнал о моем предательстве от постороннего человека. Хотя ирония в том, что Азарин нам не такой уж и посторонний. Закатываю глаза и завязываю волосы в высокий пучок.

К кафе рядом с клиникой, где работает Воронин, я приезжаю на такси, потому что так просто быстрее. Поправляю лямки длинного струящегося сарафана цвета ясного неба и забегаю в прохладный зал.

Пока выбираю напиток, замечаю направляющегося ко мне Пашу.

Улыбаюсь и, поджав губы, анализирую, как вообще начинают такие разговоры.

– Привет, – Пашка целует меня в щеку и садится напротив.

– Привет. Прости, что оторвала тебя от дел. Но нам нужно поговорить.

– Ты какая-то напряженная.

Очень точное замечание. Выдыхаю. Молчу пару минут. Играю с ним в гляделки.

Воронин успевает раза три за это время глянуть на часы. Спешит. Ну да, я оторвала его от работы.

– В общем, я чуть не переспала со своим бывшим, – выпаливаю на одном дыхании и опускаю взгляд на свои руки.

Время проходит, но Воронин не задает ни одного вопроса. Он в ужасе? Слишком зол? А может быть, я сказала все это лишь в своей голове?

– Паш, я…

– Я слышал, – отрезает холодно. – Когда?

– В клубе, когда…

– Понял.

– Не знаю, что на меня нашло. Просто… Просто я дура. Вот и все. Мы целовались, потом я его оттолкнула и…

– Мне неинтересно, Арин. Я на десять минут выбежал.

– Паш…

– Я завтра улетаю. С твоем отцом, если ты помнишь. На две недели. Думаю, этого нам обоим хватит, чтобы решить, что делать дальше.

Точно, он летит с моим отцом. Цепочка конференций. Тусовка именитых и не очень врачей…Папа звал и меня, но я отказалась.

Не хотела так надолго покидать Москву этим летом. Словно где-то глубоко внутри уже знала, о его появлении.

Паша уходит, не сказав больше ни слова.

Что я чувствую, смотря ему в спину? Разочарование.

Я предала его. Я себя предала. Жалкая, ничтожная дура!

Телефон, который я положила на стол, вибрирует. Бросаю заплаканный взгляд на экран.

Ну кто бы сомневался!

Конечно же Тим.

Хватаю смартфон и на весь зал ору в трубку: «Иди на фиг, Азарин, ясно тебе?!»

Глава 5

***

– Прости, что опоздала, – целую Катьку в щеку и усаживаюсь напротив.

Километра за два от кафе, где мы решили поужинать, мое такси попало в пробку. Но, судя по тому, что за эти полчаса Токман успела осушить два бокала белого сухого, особо она не скучала.

– Да я сама, пока нашла где запарковаться, чуть не поседела. Может, в блондинку покраситься, а?

Видимо, по тому, как я удивленно выпучиваю глаза, Катя понимает, что идея аховая.

– Ну а что? Думаешь, мне не пойдет?

– Не могу тебя блондинкой представить.

– И не надо, воочию посмотришь.

Пока Токман заказывает еще один бокал вина, я решаю, что сегодня объявлю алкоголю бойкот. Вчерашней ночи вдоволь хватило. А если учесть, что я по собственной же инициативе чуть не залезла Азарину в штаны и сейчас он до сих пор в городе, пить – дело опасное.

– Ты как вообще после вчерашнего? Что там произошло? – Ловлю Катин взгляд. В последнее время она постоянно встревает в какие-то авантюры.

– Да козел какой-то пристал. Я его послала. Матом, – смеется, принимая из рук официанта бокал, не дав поставить тот на стол. – Спасибо, – делает глоток. – Ну и ему, видимо, не понравилось, что его подкат мне не зашел.

– Кать, а если бы парней наших не было? Ты хоть представляешь, чем это могло закончиться?

– Арин, не нуди. Нормально же все прошло. А все эти «если бы» меня не интересуют.

Киваю. Конечно, я с ней в корне не согласна, но толку-то? Особенно если мое мнение она не спрашивала. После свадьбы Даниса Катя пустилась во все тяжкие. Какие-то тусовки, знакомые непонятные, парни, хамство… Она никогда тихоней не была, но то, что происходит сейчас, меня очень пугает.

Голову бы я этому Кайсарову отрубила. Из-за него же все!

– Что мы все обо мне?! Ты вчера куда вообще пропала, м?

Ну вот мы и подошли к главному. Честно говоря, я была уверена, что случится это не так быстро.

После того как Тим уехал, Катя рассказала мне, что была в курсе той ситуации с Яной изначально. Я, конечно же, вспылила. Мы почти месяц не разговаривали, а потом… Ну разве можно на нее обижаться?

Смотрю на подругу и прячу улыбку за стаканом сока.

Нервно потираю пальцами краешек стола, прежде чем начать свой рассказ. Исповедь целая получится же.

– Я. Мы. Я с Тимом поцеловалась.

Катька в два глотка осушает свой бокал. Таращится на меня, как сумасшедшая рыбка. Глаза большие, губы приоткрыты, а слов не вылетает.

Пользуясь ее замешательством, продолжаю:

– Я была инициатором.

– Неожиданно. А он что?

– Он? С утра сегодня уже домой ко мне приезжал.

– Кто бы сомневался, – закатывает глаза. – Братик времени даром не теряет. Я вчера его когда в ресторане увидела, офигела. Тихушник, блин.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я прямо чувствую, какой вопрос крутится у нее на языке следующим, поэтому опережаю саму мысль:

– Мы не переспали. Но я, наверное, хотела.

Стыдно сознаваться в этом себе, а уж кому-то еще и подавно. Щеки краснеют, а мочки ушей начинают гореть.

– Ты же, ну, у тебя же…

– Я подумала, вдруг с ним получится, – закусываю внутреннюю сторону щеки, – по-нормальному.

– Я бы на твоем месте поступила так же. Из-за этого козла, несмотря на то, что он мой брат, все это началось, так что ему и расхлебывать.

– Ка-а-а-ать.

– А что, Кать? Разве не так? Ты хотела дать нашему дебилу, но из-за того, что он нетерпеливый осел, все обломалось. А итог какой? Ты теперь боишься мужских писек.

Мужчина, сидящий за соседним столиком, видимо, слышит Катькину речь. Иначе как объяснить его удивленный, но заинтересованный взгляд в нашу сторону.

– Давай ты будешь рассуждать потише, – стреляю взглядом в мужика за ее спиной.

– Ой, – Катя деловито поворачивается к соседнему столу, – мужчина, уши в другом месте, пожалуйста, грейте.

Наш новый знакомый давится салатом и густо краснеет, правда, Катю это уже мало волнует.

– Так, о чем я?

– Повторять я это не хочу, – улыбаюсь, засовывая в рот виноградину. – И писек я уж точно не боюсь, – смешок после этих слов вылетает сам собой.

– Суть ты уловила. А Паша твой тоже овощ просто. Бесят меня вообще эти мужики. Девушка, – окликает официантку, – вина еще принесите.

– Кажется, тебе хватит.

– Еще бокал, и будет в самый раз. Так и зачем он к тебе приезжал?

– Угрожал, что Паше расскажет обо всем, что между нами случилось ночью.

– Блефует.

– Может быть. Хотя уже неважно, я сама рассказала пару часов назад.

– И?

– Воронин улетает на конференцию. Сказал, что за две недели его отсутствия мы оба сможем решить, что же нам делать дальше.

– Раньше надо было решать. Вы сколько вместе? Полгода? Ему двадцать шесть. Он точно спит с кем-то на стороне, если не с тобой.

– Может быть, – послушно соглашаюсь, так как и сама об этом думала.

– Слушай, я тебе не раз уже говорила, что вот с этим всем, что у тебя, нужно работать не только с психологом, раз физиологически с тобой все норм, но и в паре. Доверие, игрушки, штуки всякие… А у вас целибат.

– Кать, давай мы сменим тему.

– Мы-то сменим, а проблема не уйдет. Не так их решают, Арина. Я вообще не понимаю, зачем тебе Воронин.

– Он умный, надежный, красивый. С ним…

– Удобно, – злобно хохмит Катя, хотя в реальности она все же не так далека от правды.

– Когда ты чувствуешь себя неполноценной, да еще и одна, это больно, – отворачиваюсь. – Паша принимает меня такой. Не торопит и не спешит засунуть в меня свой член.

– Ага, но при этом ты вчера чуть на моего брата не запрыгнула. Но это же другое, правда?

– Твоя ирония меня бесит.

– Знаю. Но факт остается фактом.

Опускаю взгляд и шмыгаю носом.

Тогда, в свой день рождения, я была готова. Я очень хотела быть с Азариным целиком и полностью. Маленькая условность в виде совершеннолетия. Фактор, который был для меня важен и который стал для нас непреодолимой преградой.

Готовилась как дура всю неделю. Это должно было стать приятным событием в моей жизни, а обернулось признанием в том, что в теории он бы мог трахнуть Янку. Нашу одноклассницу, с которой оказался на вечеринке после нашей ссоры.

Мир с его признанием перевернулся. Мы расстались, Тим уехал. Я плакала, мне было больно, обидно. Но я и подумать не могла, что все это окажется гораздо глубже, чем злость на мальчика, в которого влюбилась.

После череды блеклых дней и ненависти ко всему вокруг пришло желание отрываться. Жить на полную катушку. Были клубы, знакомства. В какой-то момент я решила, что моя девственность – жуткое напоминание о не сложившихся отношениях.

Поэтому решила сделать что? Правильно! Избавиться от нее.

Парень. Отель. Спазм. Боль. Непонимание, что происходит. Я тогда так заорала, что бедолага испугался и сбежал. Оставил меня целой во всех смыслах. Потом была еще попытка —закончилась аналогично.

То, что со мной что-то не так, сразу стало понятно. Когда пошла к врачу, в принципе, уже знала, что она мне скажет, сама на досуге успела перерыть кипу информации.

Так начался новый виток моей жизни. Принятие себя, и той реальности в которой я оказалась.

С Пашей мы познакомились в папиной клинике, он хотел проходить там интернатуру. Как итог интерном там он не стал, зато отношения у нас завязались. Когда дело дошло до секса, я ему честно сказала, что все не так просто.

Пару раз мы что-то там попытались, но в итоге Воронин заверил, что он готов ждать и его все утраивает. Он же меня любит.

Не знаю, на что из всего этого я повелась, но когда ты изо дня в день думаешь о том, что отношения, которые дойдут до близости, из раза в раз будут для тебя адом, то вот такой Паша кажется подарком судьбы. Честно.

Только вот, на удивление, с Азариным моя психика сработала иначе. Я не боялась, а где-то глубоко внутри, даже была уверена, что привычного сценария не произойдет…

Глава 6

Тим

– Ты связалась с Гиршем? – перевожу взгляд на Катьку, лениво выдыхая сигаретный дым.

В доме Яниса очередная пятничная тусовка. Я приехал сюда час назад. Но, судя по тому, что Катюха в хлам, она здесь уже давно. Где они с Гиршем пересеклись, понятия не имею.

– Ой, отстань! – Катя протягивает руку и забирает у меня сигарету.

Пару секунд смотрит на тлеющий кончик, а потом затягивается.

– Катя, не надо путаться с Яном.

– Ты же с ним путаешься, – смеется и снова затягивается, закидывая ногу на ногу.

Мы сидим рядом, она в кресле, я на краю дивана. Расстояние сантиметров пятьдесят.

– Да потому что я не девка, – морщусь. Затылок начинает стягивать. Первая весточка, предшествующая головной боли. Алкоголя и сигарет на сегодня достаточно, но я все равно делаю пару глотков пива.

– Что за каменный век? Права женщин уже давно…

– Ты понятия не имеешь, что такое Ян, – перехватываю ее запястье. Чуть сжимаю, несильно, но вижу застывшее в глазах сестры возмущение.

– Ты хотел сказать, кто такой.

– Я сказал именно то, что хотел сказать.

Гирш – хороший друг, и на этом все. В остальном – полный мудак. И мне очень не хочется, чтобы Катя ощутила это на себе.

– Ну да, это в твоем стиле. Лучше расскажи мне, чего ты от Аринки хочешь? – интересуется меланхолично, сползая головой на ручку кресла.

– Все.

– Все – это, мой хороший, ничего, – задирает ноги и скрещивает их в воздухе, прежде чем закинуть на спинку.

– Че ты до меня докопалась?

Обсуждать с Катькой Аринку я не буду. Во-первых, потому, что она сдаст все до последней буквы, а во-вторых, не хочу наговорить лишнего. Громова и так на меня не самым позитивным образом реагирует.

– Ты первый начал. Не лезь в мою личную жизнь, и я не суну нос в твою.

Молчу пару минут, а потом спрашиваю:

– Как у нее вообще дела?

Сдаюсь. Мы за два года с Катюхой про Аринку не говорили. Пересекались на отдыхе, но тему Громовой не поднимали. И сейчас, конечно, не стоит. Но желание все о ней разузнать сильнее.

Я пытался все забыть. Оставить Арину навсегда. Если бы не вернулся, возможно, когда-нибудь и смог бы. Отпустил бы. Разлюбил.

Но я вернулся. Поэтому без вариантов уже. Она мне как воздух нужна. Одна только мысль, что она сейчас где-то там, рядом с этим Сашей-Пашей, из себя выводит. Тупым ножом по сердцу. Сначала так извращенно скребет, а потом раз за разом наносит удар. Почти смертельный. Но я все еще жив и даже пьян. Второе сегодня – прямое последствие первого. Хочется забыться, хотя бы на пару часов. Чтобы не думать, не выносить себе мозг, потому что конкретно сейчас ничего я сделать не могу.

– Нормально.

– Она изменилась.

– Два года прошло, вообще-то, ну так, вдруг ты не заметил, – губы сестры складываются в скептическую улыбку.

– Очень смешно.

– Но когда вы вместе, то определенно перемещаетесь во времени. Как были тупыми одиннадцатиклассниками, так и остались.

– Она тебе что-то говорила? Обо мне, говорила?

Интерес все нарастает. Брожу по Катькиному лицу чуть захмелевшим взглядом. Дымно. Особняк Гирша тот еще притон, если честно.

– Может, и говорила.

Токман мило улыбается и тянется к бутылке.

– Хорош, – выдираю из ее когтистых лапок свой трофей. – У тебя пол с потолком уже местами поменялись.

– Вечно ты строишь из себя папочку. Вообще, мы с ней на неделе после вашего милого рандеву в туалете виделись.

– И?

Бешусь от Катькиной нерасторопности и подаюсь вперед. Раздражают эти долгие паузы в такие моменты.

– Что «и»? Ты ее бесишь, как и меня, – вздыхает. – Все мужики бесят.

– Твоя пассивная агрессия меня пугает.

– Привыкай.

– У нее свадьба?

Вопрос срывается с губ быстрее, чем я успеваю сообразить. В таких делах мое сердце мне не союзник. И если мозг поставил блок, то вот гоняющий кровь орган – нет.

– С чего ты взял?

– У нее кольцо на пальце. Я спросил, но она ушла от ответа…

– И что ты сделаешь, если это правда?

Катя пересаживается. Опускает ноги на пол и расправляет плечи.

– Все, чтобы эта свадьба не состоялась.

– Значит, настроен ты решительно, правильно понимаю?

Киваю и замираю. Сижу в ожидании ответа. Внутри Армагеддон. Если она сейчас подтвердит эту чертову свадьбу, меня просто разорвет на части прямо здесь.

Алкогольный градус не сбивает даже части растущей внутри злости с привкусом бессилия. О да! Я его отлично распробовал за последние пару дней.

С нашей с Аринкой встречи прошло четыре дня.

Занимательно то, что на звонки она отвечает. Разговаривает сухо, да-нет… Но трубку берет.

– Да, – Катя переводит взгляд на танцующих в центре гостиной девок. Их по всему дому пара десятков наберется. Ян любит смазливых блядей.

– Что «да»?

– Паша сделал Арине предложение.

Сглатываю.

Где-то глубоко внутри я все же надеялся, что она скажет нет.

Что нет никакого предложения, кольца и предстоящей свадьбы, но как бы не так…

Паша-Саша реален, и он хочет жениться на моей Громовой. Сука!

Сжимаю-разжимаю кулаки. Потряхивает. Главное – не сорваться и не натворить какой-нибудь херни, за которую наутро будет стыдно…

Буквально вчера с отцом на эту тему говорили. Он хочет, чтобы я работал в «Либерти», а с сентября пошел учиться. Здесь, в Москве.

Не уверен, что смогу остаться, если Аринка выйдет замуж. Не смогу. Сбегу, трусливо поджав хвост, потому что видеть ее с каким-то упырем не просто больно. Кости в порошок стирает от одной только мысли, что он ее трогает. Говорит с ней, целует. Да, мать вашу, просто дышит рядом с ней.

– И когда свадьба?

– Они еще решают. Красивый получится праздник, масштабный. Уверена, что тебя пригласят.

– Очень смешно, – резко отворачиваюсь. Снова пальцы в кулаки, до белеющих костяшек, и зубы до скрипа сжать. Вот так… Ни капли не легче, правда.

Катя прикуривает еще одну сигарету, а я превращаюсь в пассивного курильщика. Пялюсь в одну точку, вдыхая воздух, пропитанный никотином.

Допиваю свою бутылку пива, потом еще одну и еще.

Около двух часов ночи вызываю такси. Тусовка у Гирша полное дерьмо, сегодня уж точно.

На выезде из поселка перед глазами снова Аринкин образ встает. Меняю адрес в приложении. Плевать. Хочу ее увидеть. Если этот олень сейчас у нее, будет ему сюрприз.

– Спасибо, – хлопаю по крыше машины, осматривая Громовский дом, изображение чуть плывет.

Несколько раз звоню Арине. Она не отвечает. Спит или игнорит?

Да плевать.

– А-ри-на! – ору как ненормальный. Снова и снова, пока на первом этаже дома не загорается свет и не открывается входная дверь.

– Ты что тут делаешь? – шикает, выбегая за забор. – Совсем уже…

Перекатываюсь с пяток на мыски. Улыбаюсь как полный дебил. Она вышла. Одна. Значит, Саши-Паши тут нет.

– Ты пьян?

Такое лицо делает, прямо открытие совершила. Да, я пьян. В хлам. И я тебя хочу, во всех смыслах. Сегодня я хочу с тобой уснуть. Чувствовать, что ты рядом.

– Чуть-чуть, – хмурюсь, потому что Арина идет в сторону дома. – Ты вот так уйдешь?

– А что я должна сделать?

– Я… Не уходи, – в последний момент хватаю ее за руку.

– Тим, – она выдыхает. Смотрит обезоруживающе. Без налета сарказма или злости. Такая она сейчас привычная. Родная.

– Пошли завтра в ресторан, в кино, куда ты хочешь? Полетели отдохнем куда-нибудь, только ты и я, – мертвой хваткой в ее руку вцепляюсь. Поглаживаю тыльную сторону ладони большим пальцем и с замиранием сердца жду ответа. Почти вердикта.

– Какой отдых? О чем ты вообще? Мы… Мы расстались, давно.

– Плевать. Давай все с начала начнем. Все будет по-другому.

Понятия не имею, что происходит, но никаких других звуков, кроме как ее дыхания, для меня больше не существует.

Я каждый вдох слышу и то, как сердце у нее колотится.

Она поправляет накинутый на плечи плед свободной рукой. Он слегка сполз, приоткрывая обзор на ее бледно-розовые пижамные шорты. Шелковые, коротенькие. Снова клинит.

Еще немного, и точно короткое замыкание будет.

– Тебе стоит проспаться, Азарин.

Арина поджимает губы. Смотрит в глаза. Дрожит, а может, мне просто чудится.

– Не, почти стекло, – бормочу ей в губы.

– Я вижу.

Арина сглатывает, но быстро берет себя в руки. Закатывает глаза и смотрит в сторону дома.

– Это приглашение? – прищуриваюсь, прослеживая ее взгляд.

– Один раз ты уже попал в больницу после такого разговора, повторно я такого не допущу.

Знаю, чего она добивается этими словами. Я должен принять ее жест за жалость и чувство вины, видимо.

– И это правильно. Твоя комната все там же? – спрашиваю уже по другую сторону забора.

– Это значения не имеет. В нашем доме есть прекрасная гостевая.

Глава 7

Ариша

Азарин заваливается в нашу гостиную как к себе домой. Неудивительно, если честно. Он бо?льшую часть жизни ведет себя так, будто весь мир – всего лишь комната развлечений. Его персональная комната.

Сверлю взглядом его широкую спину, обтянутую белой футболкой, и почему-то кусаю губы. Пальчики на ногах поджимаются от осознания, что он снова в моем доме. Пьяный. Взъерошенный. В три часа ночи. Ужас какой…

Но еще бо?льший ужас, что он сюда вписывается. Идеально, словно так и должно быть.

Пашка всегда смотрится в нашем доме гостем. А Тим… Тим – это изначально другое. Глупо даже сравнивать. Но я зачем-то это делаю. Уже не в первый раз провожу этот дурацкий анализ.

– У вас новый дизайн.

Я не понимаю, спрашивает он или утверждает, но скорее второе. Чего-чего, но внимательности Тиму не занимать. Он, блин, замечал, что моя мать постриглась…

Киваю, хоть и знаю, что он не видит. Продолжает стоять ко мне спиной и, кажется, чуть покачиваться.

Нервно тру ладони друг о друга, а потом снова поправляю съехавший до локтей плед. Как назло, Тим поворачивается именно в этот момент. Обжигает.

Его взгляд обжигает. Живот сводит приступом голодной пустоты, несмотря на плотный ужин.

Никак не могу отделаться от ощущения падения в бездну. Последние дни оно преследует, как и человек, который его во мне и пробудил.

– Комната на втором этаже, – отрезаю строго и обхожу Тима стороной. Не хочу снова попасть в ловушку нашей близости, она порабощает. Ведь, как только мы оказываемся рядом, все вокруг перестает иметь смысл.

И если раньше это умиляло, то теперь до чертиков пугает. Я не хочу попасть в эту зависимость снова. Не могу себе этого позволить! Хоть его настойчивость и подкупает. Да-да, на удивление, нисколечко не бесит.

Больше пяти пропущенных, которые я даже не видела, потому что все звонки уже часа два, как поглотил режим «не беспокоить». Если бы он не начал орать, о его появлении под окнами я, вероятно, узнала бы лишь утром.

В стремлении выманить меня на улицу ему помогло открытое окно. На улице с начала месяца адская жара, а сплит-система накрылась еще позавчера, но мы как-то не спешим вызвать мастера, чтобы устранить проблему.

Пока сбегала по лестнице, молилась о том, чтобы мама не проснулась. Не хотелось вовлекать в эти «ночные приключения» и ее.

К Азаринскому счастью, моего отца, который до сих пор готов спустить его с лестницы, в городе нет. Папа очень остро отреагировал на все, что между нами тогда произошло. Деталей он, конечно, не знает, но на Тима злится. Отчасти я сама в этом виновата, слишком долго и открыто страдала. Родители переживали…

А я… я его ждала. До последнего его ждала. Верила, что он вот-вот приедет и все наладится. Глупая.

Как там говорится? Желания имеют свойство сбываться?

Мое сбылось. Вот он, стоит прямо передо мной. Настоящий. Еще и пьяный. Этот факт напрягает больше всего, потому как меня сразу откидывает на два года назад. Я столько ужаса пережила, узнав, что он попал в больницу. Второй раз подобного точно не допущу. Тогда он уехал по моей вине. Разозлился и попал на больничную койку.

Конечно, я не должна брать на себя ответственность за его глупость и импульсивность, но я все равно это делаю. Чувствую себя виноватой.

– На втором где?

Вопрос летит мне в затылок. В своих мыслях я замерла на ступеньке. Ровно в середине пути.

Шею щекочут колкие мурашки, вызванные теплым дыханием.

– Направо, – сглатываю и переставляю ногу на следующую ступень. Дается с трудом. Тело отказывается воспринимать сигналы мозга. Хоть трубит он об одном – бежать. Быстро и без оглядки.

– Хотел тебя увидеть.

Он не шепчет, но я все равно его едва слышу. Сердцебиение заглушило все окружающие меня звуки. Слишком громко и часто оно бьется. Мое сердце.

– Иди спать. Ты пьян.

– Проводишь? А то могу перепутать с твоей комнатой. Где она находится, я прекрасно помню.

Я даже возразить на его вопрос не успеваю, как он затыкает мне рот своей следующей репликой. Очередной шантаж, который я проглатываю.

– Хорошо, – киваю и, ухватившись за перила, преодолеваю остаток ступенек. – Туда, – киваю в сторону гостевой.

Тим идет следом. Шаг в шаг. Я ни разу на него больше не посмотрела и не обернулась. Боюсь. Его или себя, еще не решила. Но все, что сейчас происходит, абсолютно не вписывается в рамки нормальности.

Толкаю дверь и наощупь щелкаю выключателем.

Трескучая тишина убивает остатки самообладания. Разворачиваюсь чуть резче, чем планировала. Может, поэтому и врезаюсь своим лбом Тиму в подбородок?

– Прости, – бормочу, теряя воинственный настрой, потому как хотела оттолкнуть его и уйти к себе.

А что теперь? Теперь я снова в ловушке его рук, а дверь за его спиной плотно прикрыта. И когда только успел?!

– Тим, не надо, – пячусь, но смысла в этом нет. Он уже успел заключить меня в кольцо своих рук.

– Посмотри на меня.

Нерешительно поднимаю взгляд. Глаза в глаза. Сердце екает, а после набирает обороты. Как ненормальное по грудной клетке скачет, вот-вот прорвет.

Сглатываю, пытаясь хоть немного перебить сухость во рту. Бесполезно. Все внутри клокочет, а он продолжает смотреть. Пристально, дико.

Как самое настоящее животное. Лютый хищник, что загнал свою жертву в ловушку. Но я больше не хочу быть жертвой.

– Спокойной ночи, – произношу твердо. Даже громко.

– Почему ты постоянно хочешь от меня сбежать, м? – касается моей щеки пальцами.

Электрический разряд проходит сквозь тело в ту же секунду. Он едва дотронулся, а меня коротнуло.

– Не выходит без тебя, не получается, Арин.

Как дура на него пялюсь, во все глаза, и молчу. Рассматриваю каждую черточку. С жадностью, забвением каким-то. Порочные, темные, почти черные радужки, они сливаются со зрачками, в которых тонешь. Губы – идеальные, с чуть заостренной верхней. Хочется коснуться. Губы к губам, ведь в них в сто раз больше нервных окончаний, чем на кончиках пальцев.

Касаюсь взъерошенного ежика волос, абсолютно не отдавая себе отчета в том, что делаю.

Не хочу провоцировать. Не хочу сводить все к похоти. Не сейчас, не сегодня, пожалуйста.

Я просто хочу почувствовать его рядом. Убедиться, что он реален, что это не сон. Что я не проснусь в слезах.

– Я, – шумно выдыхаю. Голос срывается, превращаясь в противный писк. – Тим…

– Полежи со мной.

Его слова звучат совсем тихо.

– Что?

– Мы будем только обниматься, как раньше.

Глава 8

Мурашки от его голоса по коже ползут. Глубокого с легкой хрипотцой. Он так смотрит, будто я единственное, что существует в этой вселенной. Только я и ничего больше.

Этот взгляд придает уверенности, а еще порабощает. Снова.

Тим гасит свет. Лампочка тухнет мгновенно. Секунда, и вот мы уже в темноте. Стоим близко, критично близко.

Я слышу, как бьется его сердце. Спокойные, гулкие удары. Мое же мечется по грудной клетке в поисках спасения. Страшно, слишком страшно и хорошо одновременно.

Меня придавливает бетонной плитой спокойствия. Я чувствую, как тело расслабляется. Прикосновение за прикосновением.

Есть только я и он. Ночью, в этой маленькой комнате, есть только мы.

Переступаю с ноги на ногу и до боли кусаю свои губы, потому что, если не буду этого делать, обязательно его поцелую. Сорву маску своего безразличия. Хотя… Судя по тому, что я до сих пор тут и позволяю ему себя обнимать, маски уже давно сорваны.

Крепкие руки приподнимают меня над полом. Вздрагиваю и даже издаю какой-то шипящий звук.

Стены начинают плыть, а после взгляд и вовсе упирается в потолок, потому что я оказываюсь прижата к матрасу. Вот так, без лишних слов и действий, почти в тишине.

Плед соскальзывает с плеч, оголяя ключицы. Грудь вздымается от обильных рваных вздохов. Слишком темно, чтобы разглядеть его лицо. Слишком темно…

– С ума по тебе схожу. С пятнадцати, блин, лет, и, походу, это не лечится.

Шепот на грани рыка. Он обжигает ушную раковину.

Сглатываю, пытаюсь рассмотреть мужской силуэт, но все попытки – просто бесполезный набор желаний.

Тим отрывает от меня ладони, и сразу становится холодно. Очень-очень.

– Расскажи что-нибудь.

Он просит, а я задыхаюсь. Слишком мало прикосновений. Его самого вдруг становится слишком мало, потому что он перекатывается на спину. Теперь мы лежим поперек кровати. Рядом, плечом к плечу.

Рассказать? У меня язык не шевелится и все мысли в кучу. О чем я могу рассказать в таком состоянии?

– Я получила права, – начинаю несмело, – два месяца вожу машину. Правда, никак не могу привыкнуть двигаться в потоке и с парковкой проблемы.

– Это пройдет.

– Наверное, – закусываю нижнюю губу.

Нужно, наверное, еще что-то говорить, но все мои мысли сосредоточены на легких поглаживаниях. Тим водит по тыльной стороне моей ладони подушечками пальцев. Это немного щекотно, но невероятно приятно.

Нас снова догоняет тишина.

– Зачем оно тебе? А он?

Не сразу понимаю, о чем он спрашивает, даже хмурюсь. Осознание приходит секундами позже, когда Азарин сдавливает мои пальцы. Снова это кольцо…

Хочу сказать, что он не так понял. Точнее – придумал. Но даже рот открыть не успеваю.

Тим резко переворачивается, прижимает меня к матрасу и накрывает собой. По телу расползается тепло. Сердце начинает усиленно разгонять кровь, а мозг захватывает плотный туман. Липкая непроглядная думка, не позволяющая мыслить рационально. Я просто отключаюсь. Есть лишь ощущения.

Его прикосновения – сначала мягкие, но в тот же миг напористые.

Мы оба громко дышим, будто пробежали марафон. Смотрим друг на друга. Ни черта не видно, но я уверена, что он тоже на меня пялится.

Слишком остро чувствую его эрекцию. Пышущее жаром тело. Лежу распластанная под его напором и не то что пошевелиться, слова из себя вытянуть не могу. Онемела.

Тим трогает мое лицо горячими ладонями, прикасается к щекам губами. Невинные поцелуи, от которых все внутри переворачивается. Он играет нечестно. Знает, что меня ведет от всей этой трепетной чепухи, и открыто этим пользуется.

Всхлипываю от бессилия, оттого, что просто не могу ему сопротивляться.

Тим целует в уголок губ. Один раз, после еще и еще. Хаотично перемещается к щекам, подбородку, шее.

Каждый поцелуй выбивает из меня стон. Совсем тихий, но мы оба его прекрасно слышим.

– Ари-ин… Давай один раз поцелуемся? Один разочек по-настоящему.

Едва заметно киваю, но Тим замечает. Набрасывается с поцелуем. Животный порыв, в котором нет нежности. Выброс эмоций, чистейший адреналин.

Он кусает мои губы, оттягивает зубами нижнюю и жадно посасывает.

Сжимаю ноги, потому что в трусах становится мокро. Вот так, от одного долбаного поцелуя, там происходит целый потоп. Дикость какая-то.

Мои пальцы снова в плену. Тим давит на кольцо и, шумно выдохнув, снова целует.

Язык умело проходится по губам и ныряет в мой рот без всяких препятствий. Он берет напором, скользит ладонью мне под поясницу, а после – под резинку пижамных шорт.

– Тим, я…

– Молчи, – облизывает мой рот, зарываясь пальцами в уже и так запутанные волосы. – Ничего не говори, – бормочет еле связно.

Мы оба на грани. Вот-вот долбанет. Он злится, всем телом чувствую, что злится. Объятия становятся крепкими, почти болезненными.

– Я другое куплю, – твердит мне в губы. С напором, жадностью, присущей ему дерзостью. – Другое, выбрось этот мусор.

Что он такое говорит? Сглатываю и покрываюсь мурашками. Что значит другое?

Чувствую подкатывающую к горлу панику. Она разрастается так быстро, что я не успеваю взять свои эмоции под контроль.

Умираю от его слов и прикосновений, от понимания, что он просто пьян.

Трясти начинает. Внутри агония. Главное – не заплакать, только бы не заплакать.

Я отвечаю на его ласки, на прикосновения, они распаляют еще больше. От любого подобия на нежность не осталось и следа.

Это какая-то дикая борьба. Мы лапаем друг друга как полные безумцы. Скулы сводит от напряжения. Злости – ее слишком много. Все в этой комнате пропитано злостью и отчаянием. Оно обоюдное, нескончаемое.

По инерции уже к нему прижимаюсь, словно так и нужно. Так правильно. Именно так.

Дурно и жарко.

Дышу через раз. Едва успеваю делать это между поцелуями. Они болезненные, я кусаюсь в ответ. Превращаю это в какой-то немыслимый бой. Хочу сделать ему больно, если не морально, то физически. До жути хочу причинить ему вред. И ему, и себе…

В какой-то момент стягиваю с себя майку и замираю.

Что я творю? Зачем?

Упираюсь ладонями Тиму в грудь с четким пониманием, что хочу уйти. Нет, трусливо сбежать. Снова трусливо спрятаться от реальности, потому что я понятия не имею, что будет, когда он узнает.

Вдруг моя теория не сработает? Что, если все пройдет по теперь обычному для меня сценарию? Спазм, боль, слезы, отрешенность?

Зачем ему эти проблемы? Зачем ему я с этими проблемами? Разве Азарин создан для того, чтобы терпеть? Он создан для того, чтобы брать…

Дышать не могу. Больно. Слишком больно. Потому что его близость – она другая. Он другой, и я не хочу лишать себя последней призрачной надежды, что с ним все может быть иначе. Поэтому лучше уйти. Лучше не проверять. Совсем.

Глава 9

Тим

Трогаю плечи, ключицы, талию. Где-то под ребрами ее сдавливаю. Аринка сильно похудела. Ей идет, но на контрасте с прошлым разница огромная. В глаза очень бросается.

Целую в губы. Уже себя не сдерживаю. Не могу и не хочу себя сдерживать, больше не хочу.

Понимаю, что не стоит переходить черту, но сейчас это слишком сложно. Держать себя в руках, когда она рядом, да блядь, нереально же! Она без майки, которую сама же и сняла.

Сжимаю небольшое полушарие в ладони, жалея, что в комнате темно.

Подцепляю горловину своей футболки со спины и быстро стягиваю ее через голову.

Вот теперь правильно, кожа к коже. То, что было необходимо сделать с самого начала.

Обнимаю. Нет, стискиваю Аринку в стальных объятиях, чувствуя, как ее острые сосочки скользнули по моей груди.

С губ срывается невнятный рык. Резко опускаюсь ниже, обхватывая губами розовые вытянутые вершинки. Если так дальше пойдет, я кончу без какого-либо физического контакта, потому что с ума по ней схожу. До сих пор. Думал, подзатерлось, испарилось хоть немного. Ни фига. Все так же. Грудину сдавливает. Очередной вдох дается с трудом.

Чувствую ее ладони, упирающиеся мне в плечи. Что-то явно снова идет не так.

Темно, черт, слишком темно. Не вижу ее лица. Шумно выдыхаю, стараясь притормозить.

Я же не дебил, ее тело откликается, она вся на меня откликается, но упорно продолжает сопротивляться.

Минутная заминка. Ничего не делаю, выпрямляюсь на локтях, и все, что слышу, ее дыхание. В голове сразу закручивается волчок ее тихих стонов на репите. Пять минут назад она стонала, что сейчас-то пошло не так?

– Арин…

Шепчу, касаясь губами впадинки на ключице. Арина выгибается, но продолжает упираться ладонями в мои плечи. Уже не отталкивает, скорее создает видимость.

– Нам не нужно, – бормочет, а сама ко мне тянется. Женская логика в действии, блин.

Медленно начинаю закипать.

– Почему? – касаюсь языком скулы. Оставляю влажный след до самого уха, прежде чем обхватить губами мочку.

Громова реагирует молниеносно, выгибается сильнее и приглушенно охает.

Вот так, моя хорошая, именно так. Зубы сводит от того, как я ее хочу. Мне кажется, исключительно на самовнушении держусь, на прошлом, в котором вся эта импульсивность ни к чему хорошему не привела. Иначе давно бы стащил с нее трусы.

До ломки хочу почувствовать, какая она влажная. В том, что это так, даже не сомневаюсь.

Аккуратно перемещаю ладонь ей на бедро, чуть сжимаю тонкую кожу в страхе переборщить и оставить синяки.

– Тим.

Она шелестит мое имя едва слышно, но этого хватает. Член упирается в молнию на ширинке, болезненно. Хочется, блядь, уже освободиться.

– Выгони меня из дома, только так. По-другому я тебя не отпущу, слышишь?

– Слышу.

Она дрожит, часто кивает и дрожит. Я и сам уже на грани. Это как болезнь, только еще и кайф испытываешь.

– Тогда выгоняй, – вжимаюсь ей между ног. Еще немного, и мы перешагнем эту воображаемую грань.

– Поцелуй меня. сейчас. В губы. Я… Мне нравится с тобой целоваться.

Сон какой-то.

Набрасываюсь на уже и так истерзанные губы. Сожру ее скоро, ни кусочка не оставлю, потому что она моя. Целиком и полностью моя.

Фиксирую ее руки над головой и переплетаю наши пальцы. Вдавливаю в матрас и как будто специально задеваю это чертово кольцо.

Внутри снова все закипает. Стискиваю зубы.

Зачем он ей нужен? Свадьба ей эта зачем? Я же вижу, чувствую, что она до сих пор моя!

Адское варево вместо мозга. Мыслить рационально больше не получается.

Кладу ладонь ей на живот, аккуратно спускаясь ниже, поддеваю резинку шорт и трусов.

Арина вздрагивает. Напрягается. Сразу целую, потому что просто не вынесу ее очередных отговорок, которые разнятся с реальностью.

Пальцы мгновенно окутывает склизкая влага. Знал, что она мокрая. Цепляю чувствительный клитор, даже не давлю.

– Ах.

Аринка прогибается в пояснице и мгновенно подается навстречу моим пальцам. Ерзает по кровати как заведенная. В какой-то момент просовываю руку ей под спину и фиксирую Арину в этом положении. Не позволяю шевелиться, продолжая медленно скользить пальцами у нее между ног.

Самого потряхивает, если честно.

– Расслабься, – целую в висок, – как тебе нравится? Я хочу, чтоб ты кончила.

– Я… я… не…

И снова стон, после которого она врезается ногтями мне в плечо. Больше не осторожничаю. Не сразу ловлю нужный темп, чувствую, что постоянно сворачиваю не туда и ее удовольствие ускользает.

Пара попыток, прежде чем эта синхронизация проходит успешно. Как только это случается, Аринкино дыхание становится максимально прерывистым, а кожа на моем плече точно обзавелась парой дыр от ее ногтей.

– Я сейчас…

Она скрипит голосом и, вместо того чтобы получить свой кайф, начинает ускользать. Прижимаю ее аппетитную задницу к кровати. Ловлю губы и поглощаю невнятные звуки.

– Нет, Тим, нет… я, – она перехватывает запястье, пытаясь вытянуть мою руку из своих трусов, а потом резко замирает. Буквально несколько секунд. – Я… да! – резко сжимает ноги.

Легкая дрожь, охватившая ее тело, передается и мне. Прижимаю ладонь к ее промежности и пытаюсь дышать.

Мы оба пытаемся это делать.

Проходит минут пять, прежде чем комната вновь оживает. Арина подтягивается на локтях, а потом резко спускает ноги на пол и заворачивается в плед.

Не сразу соображаю, что происходит, слишком много эмоций и шумных мыслей в моей голове. Доходит лишь тогда, когда она ускользает по направлению к двери.

Рывком поднимаюсь с кровати и зажимаю ее у этой самой двери.

Внутри и так все ходуном ходит от происходящего, поэтому, если она сейчас вот так свалит, я ее просто растерзаю потом.

– Куда?

Знаю, что выходит грубо. И то, как спрашиваю, и то, как за руку ее хватаю.

Арина молчит. Ни звука не издает. Зато меня несет.

– Ты с голыми сиська решила свалить? – заползаю рукой под плед и подцепляю острый сосок. Немного сдавливаю.

Арина вздрагивает, но продолжает молчать.

Щелкаю выключателем и понимаю, что то, что я вижу, мне не нравится.

У нее губы дрожат, и взгляд затравленный какой-то. Больше абсолютно ничего не понимаю.

– Что происходит? – сиплю, прижимаясь своим лбом к ее.

Она качает головой. Обхватывает мои щеки и привстает на цыпочки.

Целует. Одно блядское прикосновение, и снова все лампочки лопаются. И плевать, что секунды назад меня передернуло от происходящего. От взгляда ее и дрожи этой…

Арина всхлипывает, а потом несет уже ее.

Она точно срывается, не нужно быть экстрасенсом или психологом, чтобы это понимать.

– Тим, Тим… пожалуйста… я думала, что могу, я была уверена… – молотит бессвязно и плачет.

Сама меня обнимает. Жмется все ближе, обвивает шею руками, а потом скрещивает лодыжки за моей спиной.

– Я скучала. Я тоже скучала, – куда-то в мою шею бормочет.

Мир снова сужается до поцелуя. Медленного. Целомудренного. В жизни не думал, что все это снова повторится. Дежавю.

– Почему ты уехал? Зачем ты уехал? Я бы простила. Я бы все тогда простила…

Снова плачет.

Сглатываю. В горле ком. Все, что могу, это крепче прижимать Аринку к себе.

– Ариш…

– Ты безжалостен. Я думала, что… я… дура.

Тяну за подбородок. Целую. Она пытается что-то говорить, хватается за мои плечи. Всхлипывает.

Возвращаю нас на кровать и крепко прижимаю ее к себе в этом коконе из пледа.

А когда утром открываю глаза, понимаю, что в комнате ее нет…

Глава 10

***

Несколько секунд пялюсь на пустующую рядом подушку. Белоснежная наволочка все еще пахнет Аринкиными духами.

Она ушла. Сбежала от меня. Снова.

Не могу сказать, что удивлён, честно говоря, с самого начала ждал подобного исхода, это же Арина. Но когда столкнулся с этим в реальности, перетряхнуло.

Закрываю глаза. Темнота, вот что мне сейчас нужно. Темнота и тишина. Мыслительные процессы в моей голове замедлены. В слоу-мо прокручиваю все, что произошло сегодняшней ночью…

Она была на грани истерики. Каждый вздох, взгляд, все пронизано безнадегой и отчаянием. Я ощутил весь спектр убивающих ее эмоций на себе.

«Зачем ты уехал? Я бы простила. Я бы все тогда простила…»

До сих пор под пальцами ее дрожь ощущаю. Слова. Каждая буква на репите.

Легкие под завязку набиты дроблёным стеклом. Мелкая крошка вспарывает их изнутри, превращая дыхательный процесс в пытку. Вот-вот наступит кислородное голодание.

Прошлое сталкивается с настоящим.

Она отвечала мне этой ночью. Выплескивала боль по капле и реагировала на ласки. Кончила от моих пальцев. Мы вели себя, как изголодавшиеся друг по другу звери.

Эти два года ничего для нас не изменили. Любовь осталась не утолена…

Сползаю с кровати. Все еще подтормаживаю. Минуты три ищу футболку, которая все это время валяется на видном месте. Забираю тряпку со стула, надеваю уже в коридоре.

Вообще, стоит умыться или хотя бы посмотреть на себя в зеркало. В гостевой нет душевой, поэтому приходится спуститься вниз.

С лестницы прекрасно просматривается зона кухни, которая, к моему сожалению, не пустует.

Аринкина мать, как и сама она, тусуется там. Ульяна Артуровна у плиты, а моя Громова сидит за столом, подтянув колени к груди. Сегодня на ней малиновый спортивный костюм. Ощущение, что она в нем забаррикадировалась. Рукава практически скрывают пальцы, а ноги полностью утонули в широких штанинах.

– Доброе утро, – пробегаюсь ладонью по затылку.

Насчет доброго я, конечно, поспорил бы.

– Доброе. Водички?

Аринкина мать медленно разворачивается и хитро прищуривается, не без улыбки, конечно. В руке у нее деревянная лопатка, она там жарит что-то. Судя по запаху, блины какие-то…

– Ага, – киваю, прожигая Аринкин профиль взглядом. Она не повернулась и ни разу на меня не посмотрела.

Вот эта отрешенность уже не просто напрягает, а открыто бесит. Неужели второй раз на те же грабли? После ночи в клубе она с таким же фейсом ходила.

Будто ничего не произошло.

– В холодильнике, на нижней полке, – снова Громова-старшая.

Чуть заторможенно киваю. Открываю холодильник и нетерпеливо сворачиваю крышку с пластиковой бутылки.

– Арин, поможешь мне?

– Конечно, мама.

Пока Ариша расставляет на столе тарелки, успеваю прижать задницу к стулу и осушить пол-литровую бутылку до донышка.

Когда тарелка приземляется и передо мной, инстинктивно вскидываю взгляд. Буквально секунды, на которые наши глаза сталкиваются, но этого хватает, чтобы заметить Аринкину нервозность.

Она отдергивает пальцы от края белоснежного фарфора и резко отворачивается.

Сама уже красная до кончиков ушей, взгляд прячет. Делает вид, что знать меня не знает.

– Всем приятного аппетита, – это снова теть Ульяна. Походу, в этом доме только с ней можно наладить нормальный контакт.

Что Аринка, что ее отец – те еще молчуны.

Лениво отковыриваю вилкой кусок от сырника и засовываю его в рот. Вкусовые рецепторы оживают, а вместе с ними и тошнота. Нет, пожалуй, никакая жрачка в меня сейчас не полезет. Делаю глоток сладкого кофе. Сам туда ложек пять сахара бахнул. Попускает.

Тишина уже давно стала звенящей. Слышны лишь негромкие удары столовых приборов о тарелки.

Громова гипнотизирует свою тарелку. А вот ее мать не без интереса переводит взгляд то на меня, то на дочь.

– Ты надолго вернулся?

Смотрю на Ульяну Артуровну и сразу киваю.

– Навсегда. У отца работать буду.

– Давно пора. Ходить строем явно не твое.

– Это да… Арин, передай джем, пожалуйста.

Аринка вздрагивает и быстро тянется к маленькой банке. В протянутую мной руку не отдает. Просто двигает ее по столу.

– Спасибо, – поджимаю губы, на которых вот-вот проступит усмешка.

Что, блядь, вообще происходит? Мне кто-нибудь объяснит?

Сжимаю в кулак вилку, абсолютно не замечая, как начинаю постукивать ей по столу.

– Так, детишки, у меня йога, поэтому я вынуждена вас покинуть. Арин, со стола не забудь убрать.

– Хорошо, – отзывается меланхолично и провожает мать взглядом.

Я же молча пялюсь на Громову. Распирает устроить скандал и вытрясти из нее ответы на свои вопросы. В реальности я этого, конечно, не делаю. Заливаю свое нетерпение кофе.

– Хорошо, что папы вчера не было дома. Он бы точно спустил тебя с лестницы.

Игнорирую выбранный ею тон. Плевать. Честно говоря, радует то, что она вообще со мной заговорила.

– Ага. В прошлый раз именно это и обещал, – криво улыбаюсь. – Прости за вчерашнее, если чем-то тебя обидел. Хотя на самом деле я не понимаю, чем… Что произошло?

Арина наконец-то смотрит на меня. Несмело. Взгляд бегающий, нервный. Она сплошной оголенный провод, судя по реакциям, еле держится, чтобы не сбежать даже из собственной кухни.

– Все нормально, – болтает ложкой в чашке.

Нормально? У кого, интересно? Не у меня точно. Именно эту претензию я и хочу выразить. Только вот слова застревают глубоко в гортани, а взгляд приклеивается к ее руке. Она снова крутит это кольцо на своем пальце. Туда-сюда…

Вспышка неконтролируемой ярости подбрасывает пороха в мое и так готовое взорваться сознание. Резко вскакиваю со стула. Деревянные ножки со скрипом скользят по каменному покрытию, прежде чем оказаться в воздухе. Стул падает, я сжимаю руки в кулаки, а Арина с ужасом смотрит на происходящее.

Понятия не имею, что мной движет.

Но в какой-то момент просто подхожу к ней. Хватаю за руку, стаскиваю это чертово кольцо и швыряю его на пол.

Металл со звоном отскакивает от твердого покрытия и закатывается под стол.

– Тим…

Арина не шевелится. Остается сидеть на стуле и хлопать своими глазами. Бесит. Все это меня полностью вымораживает. Мозги отключает. Я снова творю какую-то дичь. Ну какого хрена-то, а?!

Опять открыто агрессирую. Для меня эта побрякушка как красная тряпка.

В кухне повисает молчание. Тишина, не предвещающая ничего хорошего.

Арина медленно поднимается на ноги, а потом так же не торопясь опускается на колени, выуживая свою побрякушку из-под стола. На палец, к счастью, не надевает.

– Совет да любовь, – выплевываю остатки яда и широким шагом иду на выход.

Пусть делает что хочет.

Со всей силы хлопаю дверью как истеричная девчонка и вытягиваю из заднего кармана джинсов пачку сигарет.

Прикуриваю, а у самого пальцы дрожат. Снова ножом по сердцу. Опять, мать вашу.

Ненавижу ее ровно настолько же, насколько люблю.

Чувствую пристальный взгляд. Поворачиваюсь. Громова стоит на крыльце, судя по лицу, щас разрыдается.

Устало тру лицо свободной рукой и делаю еще одну крепкую затяжку.

– Я не выхожу замуж, – шмыгает носом.

– Я за тебя рад, – шиплю сквозь зубы и выбрасываю окурок в урну. Терпеть не могу запах сигарет. Вообще, пристрастился к этой дряни не так давно, стоит завязывать. Но какой тут, когда одни нервы?

То есть все это время я думал, что этот овощ ей предложение сделал, а в итоге что? В итоге это Арина у нас так забавляется. Я чуть сердце не выплюнул, а она за этим тупо наблюдала.

Прикрываю глаза и делаю шаг в направлении забора.

На сегодня хватит этого абсурда.

Глава 11

Ариша

Я сбежала лишь под утро и, когда выходила из гостевой, лицом к лицу встретилась с мамой. Она с недавнего времени решила бегать. В шесть утра на свои пробежки встает.

Щеки тут же стали пунцовыми, но моя мама будет не собой, если начнет задавать вопросы в такой момент. Нет. Мама только улыбнулась и коснулась моего плеча. Без слов. В знак поддержки видимо, но мне все равно стыдно.

Вот так вот спалиться при живом Паше, с которым я вроде как до сих пор в отношениях. Кто я после этого? Лгунья. Всем вокруг вру, а главное, самой себе.

Тим уснул быстро, а вот я пялилась в потолок, который с каждой минутой становился светлее, пока его не озарили робкие солнечные лучи.

Все, что произошло этой ночью, до ужаса меня пугает.

Я испытала первый в жизни оргазм, к которому мои собственные пальцы были непричастны.

Пойти дальше, к счастью, никто из нас не рискнул. Но это не отменяет того факта, что от недопроникновения в моем теле может запуститься прежний сценарий. Запустится, теперь я почему-то полностью в этом уверена. И, наверное, мне стоит просто отойти в сторону, не лезть и не провоцировать Азарина больше. Нам обоим все эти проблемы ни к чему. И с Пашей нужно расстаться, по-человечески. Лучше буду одна…

Возможно, я просто не создана для отношений, вот и все. Так же бывает…

Только вот уверенность в правильности своего решения незамедлительно тает, стоит только Тиму спуститься на кухню.

Он топает по лестнице, как слон, еще и футболку по дороге надевает. Не мог все это в комнате сделать?

Щеки снова краснеют. Мама, к счастью, никак не реагирует и продолжает хлопотать у плиты.

Вжимаю голову в плечи, стараясь смотреть куда угодно, но не на Тима. Все что произошло этой ночью случайность. Он был пьян, а на меня нахлынули воспоминания. Снова сердце сжалось и так резануло в груди. Захотелось хоть на секундочку почувствовать себя живой. Как оказалось, с этим у меня до сих пор проблемы. А ведь до возвращения Тима, я была уверена, что справилась.

Маленькая слабость, и теперь вот шлейф последствий. Холодный душ в чувство не привел. Из-за того, что на плечах у меня засосы, а на бедре несколько мелких синяков от его пальцев, пришлось надеть спортивный костюм. И сейчас, он очень кстати, потому как в шортах, я бы точно чувствовала себя голой.

Видимо, мы с Азариным транслируем настолько пагубные эмоции, что моя мама решает ретироваться. Вспоминает про йогу, которая у нее, между прочим, только по вторникам и четвергам.

И вот мы снова одни. Лицом к лицу.

Я пялюсь в свою тарелку, потому что боюсь посмотреть Тиму в глаза, а он, он открыто транслирует недовольство.

Мне так страшно. Эта ночь стала очередной ступенькой на пути к бездне.

Инстинктивно свожу ноги, потому что на миг вспоминаю его пальцы и то обилие влаги в моих трусах, когда они туда проникли. Мамочки. Непередаваемые ощущения, которых я почему-то стесняюсь.

Щеки просто огнем горят. Я несу какую-то чушь. Пустые разговоры и ответы. Сглатываю и тереблю кольцо от волнения. Всегда так делаю. А сейчас особенно, он ведь открыто говорит мне о том, что не понимает происходящего между нами. Пытается достучаться, вынудить меня озвучить, что, блин, со мной происходит. А я словно воды в рот набрала. Сижу и хлопаю глазами, продолжаю

крутить на пальце кольцо, даже не задумываясь, к чему в итоге это приведет.

Когда Тим срывается с места, становится не по себе. Он злится, срывает с моего пальца кольцо и швыряет его на пол с таким выражением лица, что от моего вся кровь отхлынула. На трясущихся ногах поднимаюсь со стула и медленно опускаюсь на колени. Черт его знает, зачем вообще туда лезу. Защитный рефлекс какой-то вперемешку с удушающим торможением. Сама себе хуже делаю, когда поднимаю Катин подарок в тишине. Вместо того чтобы открыть рот и все ему объяснить, встаю на колени, пытаясь выудить колечко из-под стола.

Азарин внимательно наблюдает за моими действиями в полной тишине, а потом разворачивается и уходит. Молча. Я толком ничего сообразить не успеваю, тупо смотрю ему в спину, и вот, пока я это делаю, он уже хлопает дверью, не позволяя мне объясниться.

И ведь всегда так было. Он психует, я торможу. Теперь вот еще и кольцо это…

От переизбытка эмоций глаза становятся влажными. Пульс зашкаливает, чувствую в висках неприятную пульсацию стоя посреди кухни, теперь совершенно одна. Всхлипываю и трогаю свои истерзанные этой ночью губы. Какая же дура.

Проходит от силы минута, но кажется она вечностью, прежде чем я бегу за Азариным следом.

Перед самой дверью замираю. Наблюдаю за Тимом через стеклянные вставки. Он стоит в метре от крыльца и поджигает сигарету. Он курит?

Тяну ручку двери на себя и робко переступаю порог.

Азарин оборачивается почти сразу. Его колкий взгляд пробегает по моему телу, на котором в тот же миг высыпают мурашки.

Шмыгнув носом, разлепляю губы. Нужно сказать. Он, кажется, правда думает, что я выхожу замуж. А я… я не хочу, чтобы он так думал. Не после всего, что между нами произошло.

– Я не выхожу замуж…

– Я за тебя рад.

Он ухмыляется. У него голос другой: резкий, шипящий, неприятно режущий слух.

Снова всхлипываю. Нужно еще что-то сказать, но язык к небу прилип.

Тим тем временем выбрасывает в урну окурок и идет к забору.

Переминаюсь с ноги на ногу. Наблюдаю за тем, как он отдаляется, и рассыпаюсь на осколки. Все внутренности скручивает. Больно. Губы дрожат.

Один раз я уже стояла перед ним вот так же, посреди улицы, и проклинала саму себя.

Все снова повторяется. Несмело вскидываю руку и шумно выдыхаю. Нужно его остановить.

– Тим, – слова, которые должны были стать криком, не больше чем шепот. Прочищаю горло, прежде чем повторить вновь: – Тим!

Азарин нехотя оборачивается, но не останавливается, он уже перешел на другую сторону улицы.

– Постой, – срываюсь с места.

Как сумасшедшая к нему несусь, а когда оказываюсь рядом, сталкиваюсь с бетонной стеной.

Он смотрит на меня без эмоций. Каменная глыба. Знаю, что он с легкостью может быть вот таким. Холодным и чужим.

– Я не знаю, с чего ты вообще так решил. Я же не говорила, что выхожу замуж. Его вообще Катя подарила…

– Ты молчала. А это иногда больше любых слов.

– Я злилась и не думала, что ты серьезно решишь, что оно помолвочное, – взмахиваю рукой.

– Злись дальше, – хлещет словами, загоняя меня в угол, из которого я еле нашла силы выбраться.

– Послушай, – хватаю его за руку, но он тут же сбрасывает мои пальцы со своего запястья. Телефон, который я сунула под резинку спортивных взрывается громкой мелодией.

Растерянно смотрю на Азарина, он на меня.

Трель мелодии натягивает нервы словно сруны. Мы оба замираем и пялимся друг на друга. Музыка не стихает. Ну кто же там такой настырный?

– Ответь, – звучит, почти как приказ.

Тянусь к телефону, а когда смотрю на экран, хочу провалиться сквозь землю.

Это Паша…

Азарин смотрит на подсвеченный дисплей. Ухмыляется.

Такси, стоящее позади, подает кроткий сигнал. Вздрагиваю от звука клаксона.

Тим еще раз бросает взгляд к моей руке, в которой я сжимаю телефон.

– Ответь. Беспокоится же, – изрекает мрачно и повернувшись ко мне спиной, идет в сторону такси.

Глава 12

– Что ты ему сказала? – рычу на Катьку, а в ответ слышу лишь заливистый смех.

– Он сам спросил. Я решила его не разубеждать. Сработало же, м?

– Зачем? Катя, блин!

Во мне бурлят эмоции, но я даже нормально сформулировать ничего не могу.

Думаю лишь об одном – убью. Как только мы встретимся вживую и этот разговор состоится не по телефону, я ее собственными руками придушу. Что она вообще творит?

Сама с катушек слетает и других за собой тянет.

– Не лезь в наши отношения. Со своими разбирайся! – ору в трубку и сбрасываю вызов.

В голове не укладывается. Зачем она подлила масла в огонь? Брата своего, что ли, не знает? Я себя идиоткой чувствовала с этим кольцом, даже и подумать не могла, что он уверен в моем скором замужестве, а меня считает лгуньей.

Ужас.

Оседаю на скамейку в раздевалке.

Сижу так пару минут, пока пульсация в висках не стихает.

Теперь становятся понятны все его реакции, они были не беспочвенными, а я его уже окончательно в психи записала.

Три дня с того утра прошло, и все три дня я продолжала наполняться ненавистью. Из-за того, что накричал, устроил балаган в моем доме. Из-за того, что приперся пьяным, а потом молча свалил, проигнорировав мое желание нормально поговорить.

Я думала, он снова меня бросил. Как в тот день, два года назад.

А теперь выходит, что он считает меня лгуньей и манипуляторшей. Уверен теперь, что мы с его сестрой сговорились.

Выдыхаю и остервенело заталкиваю вещи в спортивную сумку. Уже четвертый месяц здесь занимаюсь, от дома далековато, но это прекрасная возможность привыкнуть к городскому потоку машин.

Тренировки как не бывало, правда. Я даже усталости не чувствую на фоне своего эмоционального взрыва. На ватных ногах иду к стойке и отдаю ключ.

Хочется скорее попасть на воздух. Толкаю массивную стеклянную дверь и быстрым шагом направляюсь к машине. Припарковалась я, конечно, отвратительно. Места были только такие, чтобы в параллель встать, а с этим у меня проблемы. Проезд я никому не перегородила, но угол бампера на проезжую часть выглядывает довольно-таки сильно.

Кидаю сумку в багажник и сажусь за руль. Несколько минут сижу в полной тишине и без движений, прежде чем поворачиваю ключ.

С Пашей я так и не поговорила. Отмазалась сообщением, а после он больше не звонил. За эти три дня мы перекинулись парочкой сообщений, на этом все. Он, видимо, дает мне время, чтобы улеглись эмоции. Да и себе тоже. Только вот я уже приняла решение. Расстаться. Осталось лишь дождаться его возвращения, рвать отношения по телефону не по-человечески.

Ну да, а кончить от пальцев другого мужика, пока Воронин в отъезде, видимо, норм…

Крепче стискиваю руль и аккуратно выезжаю из кармана. Нужно посмотреть в зеркала, но я этого не делаю. Голова совершенно другим забита.

Толком ничего понять не успеваю. Чувствую лишь, что моя ползущая со скоростью улитки машина резко подается вперед. Похоже, от удара.

Ну почему именно сейчас?

Вот теперь смотрю в зеркало, из стукнувшей меня машины выходит лысый мужик. Пальчики на ногах поджимаются, потому что, судя по лицу, настроен он максимально агрессивно.

Нужно выдохнуть. Медленно перевожу машину в паркинг и ставлю на ручник.

Выйти на улицу опасаюсь, поэтому трусливо приоткрываю окно.

– Слышь, соска, ртом работать научилась, а мозгами нет? Ты представляешь, насколько ты попала? Штук сто, не меньше.

От его крика только глазами хлопаю. Мне страшно, а он продолжает меня оскорблять.

– Вылупилась. Шлюха малолетняя. Из машины вышла!

– Вы не имеете права меня оскорблять. Нужно вызвать полицию, оформить протокол для страховой…

– Я тебе этот протокол в жопу засуну. На улицу вышла, я сказал.

Сглатываю и отрицательно качаю головой.

– Ладно.

Этот ненормальный ухмыляется и возвращается к своей ауди. Наверное, мне бы стоило именно сейчас выжать газ в пол и уехать, но я не думаю, что он не догонит.

В ужасе смотрю, как он вытаскивает из багажника биту, и выскакиваю из машины. Не уверена, что он не применит свое «оружие» и не расколотит мне стекла.

– Так-то лучше.

Его мерзкая улыбка пугает больше криков. Прилипаю спиной к двери и обнимаю плечи руками.

Страшно. Папы в городе нет, чтобы позвонить и попросить о помощи.

– Деньги-то есть? – обшаривает меня масленым взглядом.

Почему я не переодела лосины? Они же как вторая кожа…

– Хотя можешь по-другому отработать.

Он ухмыляется и тянет свою лапищу к моему лицу. Пальцы воняют сигаретами. Этот мерзкий запах раздражает слизистую, в горле першит.

– Руки уберите от меня. Я… я вызову полицию.

– Рот закрой, откроешь, когда на коленях передо мной стоять будешь. Судя по тачке, тебе не привыкать, – играет бровями, продолжая гадко усмехаться.

Меня же начинает потряхивать. Все это происходит в городе посреди дня. Мамочки…

Растерянно кручу головой и совершенно случайно замечаю Азарина. Он выходит из здания фитнес-клуба. Сумки у него нет, значит, точно не на тренировке был, иначе мы бы столкнулись еще в зале.

Делаю глубокий вдох.

Хочется заорать, но язык не шевелится. Я до сих пор притворяюсь трупом, когда мне страшно. В глазах встают слезы. Если он сейчас уедет, я точно пропала.

Именно в этот момент Тим поворачивает голову. Уже стоит у своей машины, ему, кажется, кто-то звонит. Он отвечает, прикладывает телефон к уху и поворачивается. Все как в замедленной съемке.

По коже расползаются мурашки.

Лысый продолжает нести какую-то чушь. Напирает и в какой-то момент хватает меня за руку, отрывая ладонь от плеча, в которое я вцепилась.

Тим хмурится и, хлопнув дверью машины, которую успел приоткрыть, идет сюда.

Внутри начинает зарождаться ликование, но оно быстро смешивается с ужасом. Тим импульсивный, а этот неадекватный мужик с битой. Я снова могу втянуть Азарина в неприятности.

Кручу головой, когда наши с ним взгляды сталкиваются. Судя по выражению лица, он зол.

– Какие-то проблемы? – чуть повышает голос, обращается явно не ко мне, а к этому быдлу.

– Че?

– Лапы от нее убери.

– Слышь, ты…

– Арина, в машину мою садись.

– Она тут остается.

– В машину сядь.

Тим повышает голос. Я вздрагиваю, а мой мучитель наконец-то убирает от меня свои руки. Переключается на Тима.

– В машину!

Всхлипываю и бегу к «Авентадору», правда, в салон не залезаю. Как я и предполагала, Тим разговаривать с ним не стал. Влез в драку.

Внутри все в узел скручивается. Мне страшно за Тима. Очень и очень страшно. Нужно позвать охрану. Именно это я и делаю, забегаю в зал и прошу охранников о помощи.

Двое крепких ребят мгновенно вылетают на парковку. Удивляет лишь то, что до этого они этого не сделали. Тут же камеры везде.

– Я тебя, ублюдок малолетний…

Охранники растаскивают их по разные стороны. Тим брыкается пару секунд, а потом замирает. Что-то говорит мужчине в черной форме, и тот его отпускает.

В ужасе смотрю на происходящее и спешу туда. Азарин сплевывает кровь и брезгливо смотрит на свою белоснежную футболку, забрызганную красными пятнами.

– Ментов вызывайте, – это Тим говорит охраннику.

Тот кивает и достает телефон. Мужика скручивают лицом в асфальт.

– Ты в порядке?

На эмоциях хватаю его за руку.

– Нормально, – касается своей разбитой губы.

– Извини.

Тим молча стаскивает футболку, а у меня все внутри замирает. В глаза бросается засос у ключицы.

И земля уходит из-под ног.

Я забываю о драке, о том, что у Азарина лицо разбито. Думать могу лишь о том, что вижу, и картинки такие перед глазами мелькают – отвратительные.

– Ты с кем-то переспал?

Сама в шоке, что вслух спрашиваю. Тим непонимающе на меня таращится.

– Чего? – хмурит брови, а потом опускает голову. Видимо, замечает, куда я смотрю.

Как только ловит взглядом след своей бурной ночи, ухмыляется.

Глава 13

Тим

Оцениваю масштаб «трагедии». Судя по тому, как Громова поджала губы и округлила глаза, мы где-то на краю обрыва, не меньше.

Улыбка на лице сама собой вырисовывается.

С кем я переспал, блин?!

– Практически, – киваю, наблюдая за ее реакцией, и делаю шаг в Аринкину сторону. – Она даже кончила. Громко, – оплетаю пальцами тонкое запястье.

Милые претензии, конечно, особенно когда у нее самой в наличии завалялся Саша-Паша.

Но я себе не враг! Разыгрывать спектакль и убеждать ее, что я с кем-то потрахался, не буду. Я и сам этот синяк только к вечеру после того, как от нее уехал, заметил. Улыбнуло.

– Прости, но с твоими тараканами никто не сравнится, – понижаю голос до шепота, практически касаясь губами аккуратной ушной раковины. – Все твое, а на других даже как-то не встает.

На моих последних словах, которые Громова, на удивление, воспринимает быстро, ее щеки вспыхивают.

Арина резко подается вперед. Снова, видимо, сбежать решила. Если это действительно так, то препятствовать я не стану. Разжимаю пальцы и делаю шаг в сторону.

Закидываю испорченную кровью этого мудака футболку себе на плечо и растираю ушибленную скулу, разодранными костяшками пальцев, которые вот-вот распухнут. Неплохо было бы приложить что-то холодное.

– Новая футболка была, между прочим, – из груди вырывается легкий вздох досады.

Громова продолжает стоять на месте. Смотрит на меня. Пытается вспомнить, как меня засосала?

Охрана тем временем уводит этого дегенерата в фойе клуба. Съездил, блин, по папиной просьбе, проверил, почему у них тут вся система лагает.

Этот фитнес-центр сидит на отцовской автоматизации «Умный дом» для фитнес-клубов. А я последние два дня по папиному велению исполняю роль обслуги. Мотаюсь по городу и разруливаю всякую хрень, которая у них вечно приключается. Так, собственно, здесь и оказался, кстати, удачно.

– Спасибо, – тонкий Аринкин голосок врывается в мысли, переключая на себя все внимание. – Тебе нужно в больницу.

Вздрагиваю от ее аккуратного прикосновения к тыльной стороне ладони. Арина проводит пальцем возле сбитых костяшек и шумно выдыхает.

– Не нужно. Само заживет.

– У меня аптечка есть. В машине.

– Не уверен, что там найдется, что-то серьезней зеленки. Хорошая машина, – бегло осматриваю ее «Вольво».

Ариша смотрит на покоцанный бампер и тянется за телефоном.

– Павлику набираешь?

Ну не могу я смолчать. Громова снова краснеет.

– Такси хочу вызвать. Не думаю, что смогу сейчас за руль сесть. Испугалась.

Руки рефлекторно сжимаются в кулаки. Эта лысая свинья просто так не отделается, уж точно. Стискиваю зубы, и сразу чувствую неприятное жжение на щеке. Нормально он так меня приложил, старался тварь.

– В машину мою садись, отвезу, – киваю на «Авентадор».

Подаюсь в сторону тачки, но Ариша следом идти не спешит. Переминается с ноги на ногу.

– Что опять? – глаза сами закатываются.

Понимаю, что она испугалась, плюс, от своего же засоса там чуть ли не в легкую кому ревности бахнулась, но у меня и так нервы на пределе. Я все еще на взводе от случившегося. Никак не могу выбросить из головы мысль о том, что бы произошло, не появись я здесь этим утром.

– А можешь на моей? Ее нужно в автосервис отогнать. Не хочу, чтобы родители знали. Папа ключи, скорее всего, заберет. Волноваться будет…

Я бы, честно говоря, и сам забрал. Таким, как Аринка, с водителем лучше ездить. Уродов на дороге хватает. Это вон Катька моя как сирена бы тут верещала и всю округу подняла. Еще бы электрошокером этого козла шибанула. А Громова…

– Ключи давай, – протягиваю ладонь, и Арина быстренько вытаскивает из сумочки брелок.

– Спасибо.

Замечаю легкую улыбку на ее губах и расплываюсь в ответной. На пару секунд накрывает.

– Садись, – несколько раз моргаю и поспешно натягиваю свою футболку обратно.

Поправляю часы и только потом сажусь за руль. Аринка забирается следом. Накидывает на себя ремень.

– Что ты тут делал? – интересуется, как только мы трогаемся с места.

– За тобой не следил, не бойся, – обозначаю сразу, мало ли, что она там себе надумала уже. Может, в сталкеры записала. Я, конечно, с придурцой, но не до такой степени. – Я здесь по работе.

– Работе?

– Ага.

Отец еще два дня назад приперся ко мне на квартиру с утра пораньше. Мы с Гиршем всю ночь зависали в клубе. Я час как домой приполз, а тут такой сюрприз. Ведро воды на башку. Папа умеет устроить бодрый подъем во всех смыслах.

Беседа у нас получилась короткой, да и больше в ключе монолога. Он в основном говорил. Итог – стряс с меня обещание браться за ум и включаться в работу. Ага, а сам даже к разработчикам не пустил, отправил, блин, хренью какой-то заниматься.

– Тренером, что ли?

Аринка улыбается, но стоит мне повернуть голову, поджимает губы. Улыбки, как не бывало. А жаль…

Мне всегда нравилось за ней наблюдать. Красивая она, моя Громова. До сноса башки, а когда улыбается, так вообще.

– Смешно. Нет, они сотрудничают с «Либерти-групп».

– Умная система. Я что-то не подумала. В душевых, кстати, сенсоры не всегда срабатывают.

– Эта функция к нам не относится, – улыбаюсь.

– А какие относятся?

– Климат, освещение, система охраны, централизованное управление. Кривые датчики в душе – проблема производителей.

– Я думала, все связано.

– Не все. В сервис какой едем?

– Не знаю. Я как-то в ДТП не попадала еще. Нужно в страховую позвонить, наверное…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vysockaya_mariya/zabyt-tebya-nevozmozhno

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити